

разнообразии шрифтов и кеглей. В отдельных случаях указанные приемы являются антинарративистскими и поэтому разрушают линейное прочтение текста, однако при этом они способствуют возникновению новых смыслов на пересечении нескольких знаковых систем. Визуальный элемент в их текстах носит не иллюстративный характер, но подчиняется наравне с вербальным компонентом воле художника, увеличивая возможности образования смыслов при интерпретации произведения. Визуальный компонент играет важную роль в текстах исследуемых авторов, поскольку является смыслообразующим структурным элементом текста. Несмотря на отсутствие его теоретического обоснования в трактатах самих авторов, принцип визуализации текста, по нашему мнению, является основополагающим для творчества группы «41°».

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-148-191

© А. В. Лавров

ДНЕВНИКИ В. А. ЩЕГОЛЕВОЙ В СОБРАНИИ М. С. ЛЕСМАНА

В издание, содержащее подробное описание богатейшего книжного и рукописного собрания Моисея Семеновича Лесмана (1902–1985),¹ вошла лишь малая часть неизвестных творческих и эпистолярных текстов, принадлежащих видным деятелям русской культуры, которые отложились в этой коллекции. За пределами книги остались и представленные в собрании Лесмана фрагменты огромного архива Павла Елисеевича Щеголева (1877–1931), крупнейшего ученого — историка и филолога, издателя и публициста, пушкиниста и исследователя освободительного движения в России. В этой подборке содержатся и две тетради с дневниковыми записями жены Щеголева Валентины Андреевны Щеголевой (урожденной Богуславской; 1878–1931).

Они познакомились в 1902 году в Вологде — «Северных Афинах», по определению А. М. Ремизова в позднейшей книге «Иверень». Такое уподобление означало, что Вологда в начале XX века являла собой средоточие самых ярких, просветленных и просвещенных умов — политических ссыльных, находившихся под надзором полиции. Переведенный в Вологду из Усть-Сысольска, Ремизов познакомился там и сблизился с Н. А. Бердяевым, А. В. Луначарским, И. П. Каляевым, Б. В. Савиновым, А. А. Богдановым-Малиновским и др. В этот дружеский круг «обласканных» верховной властью входил и П. Е. Щеголев. Будучи с 1895 года студентом факультета восточных языков Петербургского университета, он, наряду с чрезвычайно успешной научно-исследовательской работой, принимал активное участие в студенческом движении, а также входил в пропагандистский кружок, действовавший в среде рабочих Путиловского завода. В 1899 году последовала ожидаемая реакция: исключение из университета, арест и двухмесячное заключение, затем ссылка в Полтаву; отсюда за ненадлежащее поведение (распространение нелегальной печати и участие в местной социал-демократической группе Л. Мартова) Щеголев был отправлен в трехгодичную ссылку в Вологду.² Там он познакомился с В. А. Богуславской, харьковчанкой, начинающей актрисой местного драматического театра, вовлекшейся в круг ссыльных поселенцев. В 1902 году они поженились.

¹ См.: Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации / Сост.: М. С. Лесман, Н. Г. Князева, Н. Г. Захаренко, Л. П. Архипова, А. Х. Горфункель, Р. П. Дмитриева, Т. Р. Руди. М., 1989. Основные сведения о собирателе содержатся там же во вступительной статье Н. Г. Князевой «Каждый день и всю жизнь...» (с. 5–17).

² Подробнее см.: *Емельянов Ю. Н.* П. Е. Щеголев — историк русского революционного движения. М., 1990. С. 12–15; *Лурье Ф.* Пушкинист поневоле: Дела и дни П. Е. Щеголева. СПб., 2017. С. 21–25.

Уже тогда В. А. Богуславская вела дневник, в который заносила сведения о вологодской театральной жизни и о своих встречах с примечательными людьми. По этим записям можно составить общее представление о том, как начинали развиваться ее отношения с будущим мужем:

«Сегодня за кулисами появился ссыльный. <...> Очень большой, полный молодой человек с буйными кудрявыми волосами. И я вспомнила, вчера он сидел в актерской ложе сзади меня. „Купчик местный, — подумала я, но когда в одном месте представление вызвало во мне досаду, я уловила его сочувственный взгляд, взгляд прекрасных, умных синих глаз. — Нет, не купчик“, — решила я, равнодушно скользнув по нему, и вышла из ложи. Его зовут Павел Елисеевич, фамилия Щеголев. Он выслан из Петербурга за участие в студенческих беспорядках, студент последнего курса, занимается наукой. <...> Приятный человек, очень умный и образованный — и какая-то мягкость привлекательная во всей его крупной фигуре. <...> Этот большой человек относится ко мне с таким вниманием, его общество так много дает мне, он приносит мне книги новые, говорит, что у него здесь библиотека, что он привез ее из Петербурга»;

«Новый Год. Спектакль, после которого Щеголев отвозил меня к себе встречать Новый Год. <...> И в этот же вечер он подарил мне „Горящие здания“ с надписью на санскритском языке. На другой день он перевел мне эту подпись, она гласила: „Валя-Валя, вы мое счастье, я верю в вас“ — и тут же он приписал по-русски: „Валя-Валя, я люблю вас“, — потом посмотрел мне в глаза и приписал — „так же, как и вы меня“». ³

Весной 1903 года, благодаря хлопотам академиков А. Н. Веселовского и А. А. Шахматова, Департамент полиции разрешил Щеголеву вернуться в Петербург и держать государственные экзамены, которые он успешно сдал, получив свидетельство об окончании университета. Однако дальнейшей университетской карьере помешала репутация политически неблагонадежного — что не исключало последующего активного участия в литературной и научной жизни. У В. А. Щеголевой сценическая карьера в столице также не особенно задалась. Щеголев, прибегая к своим литературно-артистическим связям, пытался устроить ее судьбу, ходатайствовал перед Вс. Э. Мейерхольдом, Н. Н. Евреиновым, но без существенных результатов. «Поговаривали, — сообщает биограф Щеголева, — что он противился ее возвращению в театр, поэтому не очень-то усердно хлопотал. Около года играла у В. Ф. Коммиссаржевской, отсутствие таланта и неуживчивый характер помешали ей задержаться в труппе прославленной актрисы». ⁴ Между тем известно, что Щеголева выступала перед публикой с чтением стихов современных поэтов, и вполне успешно: в Тенишевском зале на литературно-музыкальном вечере «Возрождение мифа в современной поэзии» (11 февраля 1908 года), в зале Павловой на «Вечере искусств» с мелодекламацией на стихи Ф. Сологуба и Вяч. Иванова (23 апреля 1908 года) ⁵ и т. д.

Н. Г. Чулкова отмечает в воспоминаниях, что В. А. Щеголева «была совсем не красива лицом, очень женственна и грациозна, имела приятный голос». ⁶ Последнее обстоятельство во многом объясняет ту эмоциональную реакцию, которую вызвало исполнение ею стихотворения Вяч. Иванова «Мэнада», — настолько сильную, что побудило автора посвятить Щеголевой другое свое стихотворение — «Как жертвы тень, с любовью онемелой...». Открывающий альбом Щеголевой автограф этого стихотворения с посвящением «Валентине Андреевне Богуславской-Щеголевой» датирован: «14 апр<еля> 1906», ⁷ — т. е. непосредственно после «среды» на квартире Иванова, проходившей с 12 на 13 апреля и посвященной обсуждению темы «Факелы». Подробно

³ Цит. по: Ремизов А. М. «Некролог» П. Е. Щеголеву / Вступ. заметка, публ. и прим. Е. Р. Обатиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 181.

⁴ Лурье Ф. Пушкинист поневоле: Дела и дни П. Е. Щеголева. С. 365.

⁵ См.: Кузмин М. Дневник 1908–1915 / Предисловие, подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2005. С. 581, 593, 594; Лит. наследство. 1982. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 3. С. 325.

⁶ Чулкова Н. Александр Блок (из воспоминаний) // Новый журнал (Нью-Йорк). 2002. Кн. 226. С. 190.

⁷ ИРЛИ. Р. I. Оп. 3. Ед. хр. 126. Л. 2.

описывая ход этого собрания в письме к М. М. Замятниной от 12–15 апреля 1906 года, Л. Д. Зиновьева-Аннибал, в частности, сообщает: «Читала жена Щеголева, молоденькая актриса (т. е. теперь она не играет) сначала стихотв<орение> Брюсова „Приходи путем знакомым...“ по просьбе Вячеслава на первом месте <...> очень хорошо, и потом стихотворение В<ячесла>ва „Перед жертвой“ («Факелы») так дивно, что я впервые понял<а>, что актер может читать лучше поэта. У меня чуть судороги не сделались от ее ритмики и трепещущей глубокой интерпретации, а также дивного глубокого голоса».⁸ Вновь Щеголева, как извещает в следующей корреспонденции Зиновьева-Аннибал, выступала на ивановской «среде» 19 апреля с чтением стихов Э. Верхарна в переводах Брюсова и повторным чтением «Перед жертвой», а в «среду» 26 апреля вновь читала стихотворения Иванова («Бессонница») и Брюсова («В публичном доме»)⁹ Зиновьева-Аннибал сообщила Замятниной и о визите к Щеголевой 17 апреля: «...мы ходили к ней с Вячеславом и свезли его стихотв<орение>, написанное им ей в благодарность за прочтение».¹⁰ В этом стихотворении, впоследствии опубликованном под заглавием «Самоотчуждение» и с посвящением В. А. Богуславской (Щеголевой), Иванов передает впечатления автора, по-новому воспринявшего свой текст посредством чужого, артистического его перевоплощения:

...я внимал, далек и умилен,

Моих молитв страдальческому звуку
Из огненных, из горьких уст твоих:
Ты все сказала — солнечность и муку,
И тишину, и ночь глубин моих.

Где Ниобеей сердце каменело,
Там каменил тебя мой скорбный яд;
И где пред жертвой тайной пламенело, —
Стремилась ты единой из Мэнад.¹¹

Обосновавшись в Петербурге, Щеголевы дружески сблизились с Г. И. Чулковым, деятельным участником литературной жизни, входившим в ближайшее окружение Вяч. Иванова, ранее, как и Щеголев, политическим ссыльным, и его женой Надеждой Григорьевной, некоторое время даже проживали вместе, в одной квартире (Французская наб., д. 34, кв. 17).¹² Близко знавшая Валентину Андреевну, Н. Г. Чулкова чрезвычайно высоко оценивала ее нравственные качества: «...всегда относилась к людям и жизни серьезно. Горячо спорила, защищая свое мнение. Любила справедливость, была искренней и откровенной. Не боялась сказать правду в глаза. Сцена ее не испортила».¹³

Чулков во второй половине 1900-х годов постоянно общался с А. Блоком, и их спутницей в одну из таких встреч, ставшую знаменательной, оказалась В. А. Щеголева. (Щеголев в эту пору вновь подвергся преследованиям «за вредную политическую деятельность» — редактирование журнала «Былое», посвященного истории освободи-

⁸ Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М., 2009. С. 185–186. Под заглавием «Перед жертвой» («Скорбь нашла и смута на Мэнаду...») стихотворение Иванова было опубликовано в альманахе «Факелы» (СПб., 1906. Кн. 1), позднее получило заглавие «Мэнада» (Иванов Вяч. Cor Ardens. Ч. 1. М.: Скорпион, 1911. С. 7–8).

⁹ См.: Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. С. 187, 188.

¹⁰ Там же. С. 187.

¹¹ Иванов Вяч. Cor Ardens. Ч. 1. С. 145.

¹² Ср. дневниковую запись М. Кузмина о Чулковых (8 февраля 1907 года): «...они живут у Щеголевых, на набережной у Прачешного моста» (Кузмин М. Дневник 1905–1907 / Предисловие, подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000. С. 319).

¹³ Чулкова Н. Г. Воспоминания о моей жизни с Г. И. Чулковым и о встречах с замечательными людьми // РГБ. Ф. 371. Карт. 6. Ед. хр. 1. С. 255.

тельного движения: арестован 9 ноября 1907 года, затем выслан в Юрьев, а 13 января 1909 года приговорен, как издатель «Былого», к трехлетнему заключению в петербургских «Крестах», откуда был освобожден лишь в мае 1911 года.¹⁴) Как вспоминает Н. Г. Чулкова, Блок «любил кататься на лодке — один или с кем-нибудь из друзей. Однажды в такую прогулку Блок увлек целую маленькую компанию: Валентину Андреевну Щеголеву, актрису Художественного театра Кореневу и Г. И. Чулкова. <...> Это было в начале мая 1908 г. Уехав с утра на взморье, они вернулись только на другой день к нашему обеду. Блок пошел домой, а его спутницы остались обедать с нами. Обе были веселы, полны впечатлений от необыкновенной ночной прогулки. <...> Эта прогулка отразилась в стихах Блока — „Все помнит о весле вздыхающем мое блаженное плечо...“». ¹⁵ Эту позднейшую зарисовку позволяет скорректировать дневниковая запись Щеголевой от 21 апреля 1908 года — уточнить дату события (8 апреля) и конкретные обстоятельства (впрочем, отсутствие упоминаний о спутниках может объясняться сугубо психологически — сосредоточенностью исключительно на Блоке): «Случайно совершенно попала с Блоком 8-го на острова, ушли утром в 4 часа от Федора Кузьмича.¹⁶ Блок все время смотрел на меня смеющимися глазами и, проводив до дому, вдруг сказал молящим голосом: „Поедьте на острова, очень прошу вас“. <...> Эта поездка на острова и потом в Ботанический сад и поведение Блока. Зачем я ему? Он так жадно и страстно меня целовал, точно голодный... Я боролась, я сердилась, возмущалась и смеялась в конце концов. Что спросить с этого умного очаровательного человека. <...> Но все-таки это утро на взморье, голубой шелк моря, лодка и мягкая рука на веслах. И ему и мне было очень весело. Весна — волшебница».¹⁷

Развития отношений в романическом ключе непосредственно после этой встречи не последовало: Блок пригласил Щеголеву к себе, вместе со многими другими знакомыми, на чтение драмы «Песня Судьбы» 4 мая 1908 года,¹⁸ в ответ же на ее экспансивное письмо (черновик его занесен в дневник¹⁹) написал «многоуважаемой Валентине Андреевне» подчеркнуто сухо и недвусмысленно: «...я не могу сейчас, главное — внутренне не могу: так сложно и важно на душе». ²⁰ Но на костюмированном вечере у Сологуба (3 января 1909 года) Блок вручил Щеголевой листок с автографом стихотворения «Все помнит о весле вздыхающем...», и это поэтическое напоминание вновь всколыхнуло ее чувства, излитые на страницах дневника: «Милый, милый, — подумала я, — не забыл. <...> Я почувствовала с этим листком, что у меня выросли крылья, и что этот вечер единственный, может быть, на серых буднях моей суровой жизни, когда я вдохну глоток воздуха того, который мне нужен». ²¹ С «белыми ночами», запечатленными в стихотворении «Все помнит о весле вздыхающем...», корреспондируют «снежный ветер» и «вьюги, снега» двух других стихотворений Блока, навеянных встречами со Щеголевой — «Черный ворон в сумраке снежном...» (первоначальные заглавия: «[Валентина]», «Вдвоем»; ²² февраль 1910 года) и «Знаю я твое льстивое

¹⁴ См.: Емельянов Ю. Н. П. Е. Щеголев — историк русского революционного движения. С. 21–23.

¹⁵ Чулкова Н. Александр Блок (из воспоминаний). С. 189.

¹⁶ Ф. Сологуб жил в это время по адресу: Широкая ул., д. 19, кв. 2. В письме от 5 апреля 1908 года Сологуб приглашал Ан. Н. Чеботаревскую прийти к нему «вместе с доброю и кроткою Валентиной Андреевною <...> во вторник 8 апреля вечером»; повторял свое приглашение 7 апреля: «Пожалуйста, приезжайте. Люди будут, но очень немногие, и все свои <...>» (Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 310).

¹⁷ Литвин Е. Ю., Гречишкин С. С. Блок и В. А. Щеголева // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 3. С. 851.

¹⁸ См. письмо Блока к В. А. Щеголевой от 30 апреля 1908 года (ИРЛИ. Р. I. Оп. 3. Ед. хр. 60). Перечисляя в письме к матери от 3 мая 1908 года приглашенных на чтение, Блок упоминает и Щеголеву (см.: Письма Александра Блока к родным / С предисловием и прим. М. А. Бекетовой. Л., 1927. <Т. 1>. С. 211).

¹⁹ Литвин Е. Ю., Гречишкин С. С. Блок и В. А. Щеголева. С. 852.

²⁰ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 242.

²¹ Литвин Е. Ю., Гречишкин С. С. Блок и В. А. Щеголева. С. 853.

²² Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 3. С. 830. Под заглавием «Вдвоем» стихотворение было впервые опубликовано в «Русской мысли» (1910. № 11. Отд. 1. С. 4).

имя...» (18 ноября 1910 года) — и отразивших следующую, уже вполне романтическую стадию их взаимоотношений:

Снежный ветер, твое дыханье,
Опьяненные губы мои...
Валентина, звезда, мечтанье!
Как поют твои соловьи...²³

Составляя книгу «Ночные часы» (1911), Блок объединил эти стихотворения в цикл «Три послания» и выслал его Щеголевой 21 декабря 1910 года с припиской: «Над этими тремя стихотворениями — можно ли мне поставить Ваши инициалы в книге? Целую Ваши руки. Александр Блок».²⁴ На другой день последовал ответ: «Так испугана Вашими стихами... и взволнована! Инициалы поставьте, если хотите. Будьте счастливы. В. Щеголева».²⁵ В «Ночных часах» «Три послания» помещены с посвящением В. А. Щ.; позднее, перепечатывая цикл в последующих изданиях своего трехтомного собрания стихотворений, он заменил три инициала одним: В.²⁶

В анналах исторической памяти имя В. А. Щеголевой закрепилось главным образом в соотнесении с блоковским лирическим циклом. Сама она скорее гордилась своей непрочной и непродолжительной связью с великим поэтом²⁷ и неизменно высоко отзывалась о нем. «Она была совершенно пленена Блоком, его поэзией, его обликом, — свидетельствует Н. Г. Чулкова. — Она рассказывала мне, что Блок много говорил ей о себе, связывая свою судьбу с судьбой России».²⁸ 28 апреля 1921 года Щеголева отправила Блоку по почте свой цикл из трех стихотворений «Александр Блоку» с припиской: «Прочтите и улыбнитесь... легко»²⁹ — своего рода запоздалые ответные «три послания», в которых трагические признания о себе и об окружающей жизни сочетаются со светлыми проблесками — отображениями адресата:

²³ Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. С. 113. Ср. черновую редакцию приведенной строфы (Там же. С. 397):

И опять на ночное свидание
Ты приходишь в забвеньи и сне,
Валентина, комета, мечтанье,
От Востока на Запад ко мне.

²⁴ Эти автографы Блока Щеголева вклеила в свой альбом (ИРЛИ. Р. I. Оп. 3. Ед. хр. 126. Л. 3–4 об.).

²⁵ Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог / Под ред. В. Н. Орлова. М., 1979. Вып. 2. Письма к Александру Блоку / Сост. Н. Т. Панченко, К. Н. Суворова, М. В. Чарушникова. С. 492. Подробнее см. комментарии О. А. Кузнецовой к циклу «Три послания»: Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. С. 828–832.

²⁶ Такое решение Блок принял, возможно, в ответ на укор А. М. Ремизова, писавшего ему по выходе «Ночных часов» (13/26 ноября 1911 года): «...а вот насчет посвящения В. А. Щ., то тут лично я против. Вам сказал бы сегодняшним вечером, но так и не пришлось» (Лит. наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 98; публикация А. П. Юловой). Ремизов в данном случае, безусловно, заботился о прочности семейной жизни Щеголевых. Однако Щеголев знал об увлечении своей жены и, согласно свидетельству близко его знавшего В. А. Мануйлова, относился к этому вполне терпимо — даже «гордился — Блок, а не кто-то другой» (*Лурье Ф.* Пушкинист поневоле: Дела и дни П. Е. Щеголева. С. 365).

²⁷ Ср. свидетельство А. Ахматовой: «Свой роман с Блоком мне подробно рассказывала Валентина» Андреевна Щеголева. Он звал ее в Испанию, когда муж сидел в Крестах» (*Ахматова А.* Собр. соч.: В 6 т. М., 2001. Т. 5. С. 76). Вероятно, эта доверительная беседа состоялась в январе 1925 года; ср. запись П. Н. Лукницкого об Ахматовой от 24 января: «О романе А. Блока с В. А. Щеголевой» (*Лукницкий П. Н.* Асумиана. Встречи с Анной Ахматовой. Т. I. 1924–25 гг. Paris, 1991. С. 34). 3 августа 1953 года С. К. Островская записала со слов Ахматовой: «Отношение Блока к женщинам: Дельмас и Валентина Щеголева хранили о нем самые высокие и нежные воспоминания» (*Островская С. К.* Дневник / [Вступ. статья Т. С. Поздняковой; послесловие П. Ю. Барсковой; подг. текста и комм. П. Ю. Барсковой и Т. С. Поздняковой]. М., 2018. С. 601).

²⁸ Чулкова Н. Александр Блок (из воспоминаний). С. 190.

²⁹ Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог. Вып. 2. С. 493.

Кровавой лентой, лентой муки
Протянут путь мой к небесам.
Ловлю в смятении счастья звуки,
Бросаю страсть к твоим ногам.
<...>
И нет спасенья, нет возврата,
В открытом море черный шквал,
Душа звенит, тобой объята,
Маяк погас... Девятый вал.³⁰

Не сумев в достаточной мере воплотить собственные творческие задатки, В. А. Щеголева все же не оставалась в тени своего мужа, богато одаренного и энергично трудящегося на литературном и научном поприщах. Теплые дружеские отношения связывали ее со многими замечательными современниками, в том числе с Федором Сологубом, Евгением Замятиным, Анной Ахматовой; интенсивно общалась она и с писателями, которых в литературной ситуации 1920-х годов именовали «попутчиками», и в дневниках, фиксируя свои контакты с ними, оставила немало ярких наблюдений и нелцеприятных строк. Критические оценки присутствуют и в ее записях об Ахматовой, при всей близости и доверительности их отношений (в набросках «Еще о Блоке» Ахматова отмечает: «Я — confidentка Вал<ентины> Андр<еевны> Щеголевой («Валентина, звезда, мечтанье»³¹)»; безусловно, для нее факт близости «confidentки» с Блоком придавал этим отношениям дополнительную притягательность). П. Н. Лукницкий фиксирует регулярные встречи Ахматовой и Щеголевой;³² проводили они вместе и летнюю пору; в частности, в 1925 году на Сиверской (Ленинградская область), где у Щеголевых была дача (в «разговорной книжке» Н. Н. Пунина и Ахматовой имеется запись: «29 июля 1925. Сиверская. Фельдмаршальская, 63»³³). Вместе с Ахматовой Щеголева провела и последние летние месяцы своей жизни — в 1931 году в Детском Селе. «Летом в доме Елены Ивановны, — записала в дневнике Л. В. Шапорина (30 октября 1931 года), — жили Валентина Андреевна с Анной Ахматовой, Радловы (Николай) и Ходасевич. Всякую свободную минуту я бежала к Валентине Андреевне, которую мне бесконечно жаль. Ахматова, которую я так близко увидела и узнала впервые, редко обаятельный человек».³⁴ Щеголевой Ахматова посвятила стихотворение

³⁰ Блок в поэзии его современников / Вступ. статья и публ. Ю. М. Гельперина // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 3. С. 572.

³¹ Ахматова А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. С. 81.

³² Ср., например: «Пришел к АА в больницу в 5 часов. До меня у нее была В. А. Щеголева» (25 мая 1925 года); «АА сегодня обедает у Щеголевых (сам Щеголев в отъезде, а В. А. пригласила к себе обедать АА и Л. Н. Замятину)» (Лукницкий П. Н. Асупіана. Встречи с Анной Ахматовой. Т. I. С. 175, 301–302; запись от 8 декабря 1925 года); «АА <...> сегодня <...> заходила к В. А. Щеголевой, чтоб передать ей результаты вчерашней поездки в Царское Село (АА ездила, чтобы посмотреть комнату для В. А. Щеголевой, которая больна) <...>» (21 мая 1926 года); «АА была у В. А. Щеголевой и вместе с ней ездила к О. Н. Черносвитовой» (Лукницкий П. Н. Асупіана. Встречи с Анной Ахматовой. Т. II. 1926–1927. Париж; М., 1997. С. 168, 333; запись от 17 декабря 1927 года).

³³ Пунин Н. Мир светел любовью: Дневники. Письма / Сост., предисловие, прим. и комм. Л. А. Зыкова. М., 2000. С. 249. Судя по открытке от В. А. Щеголевой, отправленной Ахматовой из Эссентуков (11 сентября 1925 года): «Как вы, дорогая моя. Сиверская не очень вам надоела?» — та продолжала жить по указанному адресу и после отъезда Щеголевых на Кавказ (см.: Переписка А. А. Ахматовой и Н. Н. Пунина / Публ. Т. М. Двинятиной // Н. Гумилев, А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. СПб., 2005. С. 238).

³⁴ Шапорина Л. В. Дневник: [В 2 т.] / Вступ. статья В. Н. Сажина; подг. текста и комм. В. Ф. Петровой и В. Н. Сажина. М., 2011. Т. 1. С. 111. Упоминаются: Елена Ивановна Плен (Плэн; 1904–1957) — преподаватель английского языка в Ленинградском университете и других учебных заведениях, близкая приятельница Л. В. Шапориной; супруги Н. Э. Радлов и Н. К. Шведе-Радлова (см. прим. 146 к Дневнику 1923–1929 годов); художница Валентина Михайловна Ходасевич (1894–1970). Ср. запись Ахматовой («Даты (малый список)»: «Царское Село. С большой В. А. Щеголевой в 1931 г. Средняя улица» (Ахматова А. Собр. соч. Т. 5. С. 224).

«Причитание» («Господеви поклонитесь...», 24 мая 1922).³⁵ Среди бумаг семейства Щеголевых, отложившихся в собрании М. С. Лесмана, имеются и три недатированных письма Ахматовой: одно адресовано П. Е. Щеголеву, два — Валентине Андреевне; вместе с двумя письмами Ахматовой к их сыну Павлу и ее письмами к другим корреспондентам они опубликованы Р. Д. Тименчиком.³⁶

Помимо описания встреч в литературно-художественной среде, дневниковые записи В. А. Щеголевой отражают обстоятельства ее семейной жизни. Колоритные, порой раблезианские зарисовки облика супруга, в котором многие современники подмечали кричащие противоречия,³⁷ дополняются сведениями об их сыне, Павле Павловиче Щеголеве (1903–1936), начинающем историке, лишь на пять лет пережившем свою мать. П. П. Щеголев по окончании исторического отделения Петроградского университета пошел по стопам своего отца — стал историком революционного движения, но не отечественного, а французского: изучал Великую французскую революцию и, главным образом, заговор Гракха Бабёфа, одновременно занимался французской просветительской философией XVIII века.³⁸ П. П. Щеголев начинал научную карьеру в новых идеологических условиях 1920-х годов и был вполне адаптирован в систему советских верований, вследствие чего летом 1928 года был направлен Народным комитетом по просвещению в Париж на два с половиной месяца для изучения периода Директории;³⁹ в результате этой командировки появилась его книга «После термидора. Очерки по истории термидорианской реакции» (Л., 1930).⁴⁰ Под псевдонимом «Л. Китаев» П. П. Щеголев написал предисловия к трем книгам, подготовленным его отцом.⁴¹

В. А. Щеголева была всей душой привязана к своему сыну. 30 января 1929 года Л. В. Шапорина записала в дневнике: «Сегодня была у Белкиных, и Валентина Андреевна Щеголева рассказывала, как воспитывался ее сын. Вся ее жизнь была посвящена ему. Читали, занимались, работали вместе. Как я ей завидую».⁴² В своих дневниковых суждениях Щеголева отмечает успехи сына на научной стезе, но в гораздо большей мере она озабочена его неудачной, по ее убеждению, женитьбой (октябрь 1926 года). О невестке она отзывалась резко и беспощадно, не скрывая от других своего

³⁵ Впервые опубли.: *Ахматова А. Anno Domini. Стихотворения: Кн. третья. 2-е изд., доп.* Пб.; Берлин: Петрополис; Алконост, 1923. С. 25. В альбом Щеголевой Ахматова вписала свое стихотворение 1928 года «Если плещется лунная жуть...» (ИРЛИ. Р. I. Оп. 3. Ед. хр. 126. Л. 5).

³⁶ См.: *Тименчик Р.* Из переписки Анны Ахматовой // *Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman / Ed. by K. Polivanov, I. Shevelenko, A. Ustinov.* Stanford, 1994. С. 453–456 (Stanford Slavic Studies; vol. 8).

³⁷ Ср., например, суждения о П. Е. Щеголеве Н. В. Измайлова: «Его знания, эрудированность и начитанность были огромны и разносторонни; его одаренность, <...> его талантливость, поражала с первой встречи. Я не знал и не знаю более блестящего, увлекательного и яркого собеседника и рассказчика, чем Щеголев <...>. И эта его одаренность, талантливость искрились и „брызгали“ из него в каждом его слове. И вместе с тем — удивительны были его скептическая беспринципность, его цинизм, его неразборчивость в средствах получения крупных гонораров» (*Измайлов Н. В.* Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918–1928 гг. / Публ. Н. А. Прозоровой // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 год.* СПб., 2003. С. 314).

³⁸ Подробнее см.: *Молок А. И.* Научные труды и педагогическая деятельность П. П. Щеголева (1903–1936) // *История и историки: Историографический ежегодник.* 1971. М., 1973. С. 237–251.

³⁹ О своих встречах с П. П. Щеголевым в Париже рассказал в мемуарном очерке «Щеголев и сын» критик и журналист А. В. Бахрах. См.: *Бахрах А.* По памяти, по записям: Литературные портреты. Париж, 1980. С. 186–190.

⁴⁰ П. П. Щеголевым изданы также книги «Заговор Бабёфа» (Л., 1927) и «Гракх Бабёф» (М., 1933) в серии «Жизнь замечательных людей». Посмертно вышли в свет его «Очерки по истории Западной Европы. XVI–XVII вв. Курс лекций» (Л., 1938).

⁴¹ См.: Юденич под Петроградом: Из белых мемуаров / Ред. П. Е. Щеголева; предисловие Л. Китаева. Л., 1927 (2-е изд., доп. — Л., 1927); Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы / Ред. П. Е. Щеголева; вступ. статьи Л. Китаева и М. Е. Кольцова. Л., 1927 (2-е изд., доп. — Л., 1927); *Деникин А. И.* Поход на Москву (Очерки русской смуты) / Ред. П. Е. Щеголева; предисловие Л. Китаева. М., 1928.

⁴² *Шапорина Л. В.* Дневник. Т. 1. С. 78.

отношения к ней (та же Шапорина в поминальной записи о Щеголевой отмечает, что «Ирину она ненавидела всем сердцем»⁴³), и эти безудержные эмоции, видимо, не в малой мере объяснялись чувством ревности и неприятием того гедонистического стиля жизни, который внесла в щеголевский дом Ирина Валентиновна Тернавцева, дочь В. А. Тернавцева, глубоко «старорежимного» человека, бывшего чиновника Синода и богослова. Ирина слыла «одной из самых красивых женщин Петрограда»;⁴⁴ по словам профессора С. Б. Окуня, «в нее влюблялись факультеты»,⁴⁵ так что вполне объясним ее выбор в пользу молодого ученого с блестящими перспективами. Впрочем, их брак оказался непрочным (видимо, не без воздействия неблагоприятной семейной атмосферы): в 1931 году они разошлись, у П. П. Щеголева появилась новая, гражданская жена Антонина Николаевна Изергина (1906–1969), искусствовед и сотрудница Эрмитажа (позднее, в 1946 году, она вышла замуж за директора Эрмитажа академика И. А. Орбели), а Ирина Валентиновна в 1936 году стала женой художника Натана Альтмана (1889–1970). Позднее И. В. Щеголева-Альтман (сохранившая фамилию первого мужа) и Натан Альтман усыновили детей ее сестры Марии, отправленной в ссылку после расстрела мужа в 1937 году, после войны арестованной и умершей в тюрьме.⁴⁶

П. Е. Щеголев скоропостижно скончался 22 января 1931 года. Валентина Андреевна умерла в декабре того же года после второго инсульта.⁴⁷ Ненадолго пережил их Павел Павлович: он ушел из жизни 13 января 1936 года после тяжелой болезни и неудачной операции.

Архив П. Е. Щеголева в основной своей части оказался рассредоточенным между рукописными отделами двух академических институтов — Института мировой литературы им. М. Горького в Москве и Института русской литературы (Пушкинский Дом) в Петербурге. Часть дневников В. А. Щеголевой хранится в московской части архива, в том числе литературно обработанный дневник за 1915–1916 годы под заглавием «Год страданий и бедствий»,⁴⁸ фрагменты из которого, содержащие сведения о Блоке, приводятся в цитированной выше публикации Е. Ю. Литвин и С. С. Гречишкина «Блок и В. А. Щеголева». Фонд П. Е. Щеголева в Пушкинском Доме имеет две части — разобранную, доступную исследователям,⁴⁹ и позднее поступившую от наследников А. Н. Изергиной и по сей день неразобранную.⁵⁰ В неразобранной части архива оказался и основной корпус дневников В. А. Щеголевой. Фрагменты из них ранее появлялись в печати: в указанной публикации Е. Ю. Литвин и С. С. Гречишкина, в публикациях А. М. Грачевой и Е. Р. Обатиной (цитаты из дневника 1901–1902 годов).⁵¹ Согласно предварительному описанию содержания дополнительной части фонда Щеголева, составленному С. С. Гречишкиным, в ней имеются шесть тетрадей с дневниковыми записями Щеголевой: 1) вологодский дневник 1902 года; 2) записи за 1904, 1906–1907 годы; 3) записи за 1906–1907 годы; 4) записи за 1908–1909 годы; 5) записи за 1916 год; 6) записи за 1930 год.

⁴³ Запись от 5 февраля 1932 года (Там же. С. 113).

⁴⁴ Полонская Е. Г. Города и встречи. М., 2008. С. 390. Ср. отзыв И. Л. Андроникова о ней и ее сестре Марии Валентиновне Малаховской: «...молодые женщины неправдоподобной красоты и редкого обаяния, талантливые, веселые, остроумные <...>» (*Андроников И.* Обаяние таланта // Бронислав Брониславович Малаховский / Сост. И. В. Щеголева-Альтман. Л., 1978. С. 28).

⁴⁵ Лурье Ф. Пушкинист поневоле: Дела и дни П. Е. Щеголева. С. 364.

⁴⁶ См.: Шуко Е. Г. Воспоминания о детстве, семье, близких / Вступ. статья, подг. текста и прим. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018–2019 годы. СПб., 2019. С. 414.

⁴⁷ Лурье Ф. Пушкинист поневоле: Дела и дни П. Е. Щеголева. С. 365.

⁴⁸ ИМЛИ. Ф. 28. Оп. 1. Ед. хр. 40.

⁴⁹ См.: Личные фонды Рукописного отдела Пушкинского Дома. Аннотированный указатель / Автор вступ. статьи, отв. ред. и отв. сост. Т. С. Царькова. СПб., 1999. С. 292–293.

⁵⁰ См. краткое описание в рубрике «Дополнения к фондам» в «Обзоре архивных материалов XVIII–XX вв., поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР за 1974–75 гг.» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 124–125).

⁵¹ См.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. С. 180–182.

В коллекции М. С. Лесмана представлена, таким образом, третья часть этого разрозненного документального источника.

Дневники В. А. Щеголевой в составе собрания М. С. Лесмана входят в подборку рукописных материалов, включающую также автографы ее стихотворений и переписку.⁵² Значительная часть текста этих дневников утрачена: множество листов вырвано, большие фрагменты записей густо вымараны и не поддаются прочтению. В результате этой «вивисекции» целый ряд записей представлен в ущербном виде: фразы, не имеющие конца или начала; эти фрагменты текста при публикации не воспроизводятся. Рукопись имеет беглый, черновой характер: содержит множество неразборчивых написаний, синтаксически не упорядоченных фраз; повсеместно не соблюдены пунктуационные нормы. Печатаемый текст приведен в соответствии с современными орфографическими и пунктуационными правилами — за исключением мест, не поддающихся однозначному исправлению (они обозначаются редакторской пометой: <так!>). Ряд лиц, упоминаемых в дневниках, в основном из бытового окружения В. А. Щеголевой (в том числе обозначенных инициалами или сокращенными написаниями имен и отчеств), не идентифицирован; в примечаниях они не фиксируются — или поясняются на основании той информации, которую можно почерпнуть о них в тексте.

Записи сделаны в двух тетрадах. В первой тетради (12 л.) — записи за декабрь 1919 года. Они в основном касаются бытовых условий жизни семьи Щеголевых, поселившейся в 1916 году в доме 10 по Большой Дворянской улице (кв. 6; с октября 1918 года по 1936 год она носила название 1-я ул. Деревенской Бедноты, затем переименована в ул. Куйбышева),⁵³ и рисуют весьма выразительную картину жизни обитателей Петрограда в ходе воплощения в действительность большевистского «военного коммунизма».

Вторая тетрадь (86 л. малого формата) включает записи за 1923–1929 годы, в них преобладают описания встреч автора со многими выдающимися представителями литературно-художественного мира (А. Ахматова, Ф. Сологуб, Е. Замятин, «серапионовы братья», К. Петров-Водкин и т. д.), даются достаточно характерные свидетельства, позволяющие судить о настроениях тех или иных авторов, которые они выражали в аспекте своей «частной» жизни.

<1>

1919. Декабрь.

Понедельник. 9/22.¹

Мороз 26°. Проснулась в 7 ч. Лежала, не хотелось вставать. Павлы спят.² Болит спина и ноги. Зажгла фитиль (лампа, сделанная на манер лампадки: из-под лекарства баночка, в нее налит керосин и вставлена пробка с фитилем (за фитиль с пробкой вчера заплатила 75 р.). Наверху шум, тревожная беготня. Натянула детские чулки (Павлушины, когда ему было 8 л <ет>), мои все изодраны, 4 кофты, 2 фуфайки бумажн<ых> и 2 шерстяных, рейтузы, сапоги и боты, на голову повязку, вышла и слышу — наверху ват<ерклозет> дергают за ручку, и Кониц³ говорит: «Не идет»... Попробовала у себя... не идет... Вода остановилась, замерзла. В столовой 5° тепла. Наколола щепок, зажгла печурку. Открыла двери, заиграла марш... для зова Каролины.⁴ Через 5 минут она пришла. Павел Ел<исеевич> в отчаяньи: «Я не встану!..» Раздался крик: пошла вода; Кароль пошла наливать самовар и все свободные сосуды.

Заварили овсяный кофе. Съели последнее сало.

⁵² Осуществленное Л. П. Архиповой и Н. Г. Князевой описание этих материалов см.: Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации. С. 326.

⁵³ Описание этой квартиры и ее план см.: *Лурье Ф.* Пушкинист поневоле: Дела и дни П. Е. Щеголева. С. 362–364.

Холодно, окна доверху покрыты льдом, из дверей неистово дует. Павлы ушли. В 2 ч. дня пошла к портнихе. В августе отдана материя, обещала к Рождеству сшить. Квартиру заперла на два замка, золот<ые> часы спрятала под шкаф на полу (всегда нужно ждать воров, не весте <?> ни дни ни часа). Села в трам. «Куда идет?» Никто не знает. Маршрут прямо по Каменноост<ровскому>, но сплошь и рядом неожиданно сворачивает в другую сторону. К счастью, при пересадке именно это и случилось, 8<-й> № пошел не по маршруту и свернул на Вас<ильевский> Ост<ров>, и я доехала до цели. Прихожу. Платье не кроила. «Возьмите материя, нас выселяют, дом берут на топливо. Нет времени шить. С утра стояла за номерами для дров. Завтра пойду за ними, надо привезти, потом на вокзал, посылку получать, сын прислал, потом за хлебом в лавку». Уговорились после Рождества, за продукты. Ее дочери сапожник сшил сапоги за 5 ф<унтов> муки, тоже с августа шил.

Домой шла пешком, все трамваи стояли. Зашла на рынок, купила мороженую брюкву за 160 р. 2 ф<унта>. Опоздала, прибежала домой, наколола дров, затопила печурку. Сварила жидкую пшеничную кашу. Затопила печку в спальне, испекла картошку. Поджарила постное масло с луком, и еще в виде сюрприза сварила кисель из сушеной черники с сахарином, не вкусно, но бедный Павлик был в восторге.

В 5 ч. прилетела Каролина, откуда-то притащила 5 ф<унтов> хлеба по 200 р. за ф<унт>. Это дешево, мародерка берет 225.

Пришла Груша,⁵ принесла мороженой картошки 10 ф<унтов> по 75 р. за ф<унт>. На Грушу смотреть страшно, вся распухла, хворает, потому и стирать не пришла. А теперь уж и вовсе стирать не придется, везде замерзла вода.

Пришли Павлы. Сын жалуется, болит нога: колено и ступня. Занятия в унив<ерситете> закончены до конца января.⁶

Ночью после чая в 12 часов стирала, выстирала 3 сорочки, 12 плат<ков>, 6 салф<еток> и 2 фуфайки. На руках появились еще мозоли. Легла в 2. У Пав<ла> Ел<исеевича> на руке опять открылся нарыв, — худосочие, его лихорадит. Дала ему хинин, больше ничего в доме нет. И еще как лакомство дала всем по ложке Cuprinol'a,⁷ 5 лет т<ому> назад был куплен от кашля, очень вкусный, сладкий сироп, пахнет апельсином. На ночь прочла 4 стр<аницы>.

23 <декабря>.

Утром проспали. Было светло уже. 10 ч. Кароль прилетела: вода замерзла. На самовар хватило. Зажарила хлеб на свиной коже, от сала. Пришла М-ме Кац <?>, предлагала сало по 550 на дум<ские?> деньги, а так как <?> их нет, то и пришлось отказаться. Пошла на рынок. Купила 2 ф<унта> мороженой моркови по 85 <р.> за фунт, 2 ½ ф<унта> старого мяса, тонкий край по 600 р. за фунт, 1 ф<унт> клюквы 60 р., 2 ф<унта> кислой капусты по 100 р. ф<унт>, 2 вафли тонких, как папиросная бумага (сюрприз для Павлуши), по 50 р. штука и из-под полы 1 ¼ сах<арного> песку по 1200 р.

Сахар на рынке грязный, заваленный из солдатских карманов, 2000 р. ф<унт>, масло 2200, рис (о чудо!) вдруг появился у торговки барского вида 850 р. ф<унт>. Свинина 1700 р., все это не по карману, можно только любоваться и слюни глотать.

Когда покупала мясо, подошли 2 товарища, один — штатский, каракулевая шапка и пальто с кар<акулевым> вор<отником>, вида свирепого, другой — красноармеец. Штатский подал квитанцию, потребовал 3 ф<унта> и прибавил: «Отвесь-ка мне 4 ф<унта> получше». Купчиха заметалась, заволновалась: «Выбирайте какое хотите, вот хорошенький кусочек, или вот этот с жирком». Но почему-то они ничего не ответили, и через минуту рядом им в мешок посыпались овощи, которые получше: брюква, морковь, свекла. Моя купчиха изводилась от волнения тем более, что в этот момент к ней подошел муж и шепотом на ухо заговорил: «Что ж ты, надо сейчас же послать....» — «Да я же....» — «Что ж ты же.... сама должна понимать.....».

«Мадамочка, купите молочка, самое лучшее». — «Цена?» — «130 бут<ылка>». Пробую: бурда, одобренная сахарином.

Поскорее домой. 3 часа. Затопила печку. Очистила овощи, вымыла мясо: отвратительное, одни кости, но все же мясо. П. Е. так страшно похудел, что это становится почти опасным. Гладила. Обедали: щи из свеж<ей> капусты и бефстроганов.

Шикарно. После обеда чинила сорочки, но под конец так захотела спать, что свалилась на диване, в 10 ч. пришел Кониц, только что приехал из Москвы, в 3 дня проел 5000, но сыт вполне не был. Там все же существуют кафе, в кот<орых> можно пообедать. В первый же день он, голодный, прямо с вокзала побежал искать пропитание, попал в вегетариан<скую> столовую, но, пообедав, почувствовал, что надо опять идти искать приют, где бы покормили, нашел: шикарное меню: котлеты с гарниром, бифштексы. Заказал, только что успел съесть 2 котлеты (превосходные, на масле, с картофелем ц<еной> 375 за 2), как появились 4 челов<ека>, во главе эlegantный юноша с манерами правоведа. «Ни с места, рук не поднимать. Проверка документов». У Кон<ица> все петрогр<адские> мандаты в полном порядке, помечены 18<-м> числом, в момент происхождения число было 20<-е>. Правовед, грассируя, спрашивает: «Вы часто здесь бываега?» — «Вы же видите, что позавчера я был в Петр<ограде>». — «Ваш адрес?» — «Николаев<ский> вокзал!»..... Его оставили в покое, но котлет 2-й заказанной порции получить ему не удалось. На другой день он опять зашел сюда. Хозяина увезли вместе с дневной выручкой в 40 000, по подозрению в продаже спиртн<ых> напитков. Через 3 дня хозяина освободили, но без выручки.

У нас замерзла вода, боимся, что замерзнет канализация, но что делать, как быть, никто не знает. Нужно в подвале отогреть трубы, но это можно сделать только в оттепель, иначе трубы лопнут. А жди ее теперь, эту оттепель, 24/11 декабря, когда зима только начала лютеть. Пока носим воду от товарищей, но они уже заявили претензию. Товарищи броневики, занимающие 1<-й> и 2<-й> номера 1-го этажа, за 2 месяца успевшие расколотить полы, обломать краны, ручки у дверей и превратить квартиры в конюшни. Между прочим, почему-то их жизнь особенно бьет ключом по ночам, когда они занимаются пилкой и колкой дров, а первое время и добыванием этих дров из пустых квартир. Из 10<-го> номера были вынесены шкафы и кровати красного дерева, благополучно распилены и торжественно сожжены. Народ молодой, нетерпеливый; они, например, никогда, несмотря на большие морозы, не закрывают за собой дверей, а уж если случайно кому из них и придет на ум закрыть наружную дверь, то раздается такой грохот, что валится штукатурка и дрожат стены. Наградил Господь силой, да и пропитание у них не плохое. Сегодня им на грузовике привезли тушу мяса, мешки с мукой, картофель, капусту в большом количестве и хлеб.

На ночь помазала Павлу Ел<исеевичу> руку иодом, последним, больше и купить нельзя. Температура повышена. Нарыв огромный. Почитала «Бесов».⁸ У Павлуши распухли еще больше пальцы на ногах.

24-е декабря.

Утро. Открыла двери. Пришла Анна Павловна.⁹ «Хочу добраться до Ф<инляндии>, говорят, за 5000 можно переправиться». Опять стук. Мародерка принесла хлеб 4 ½ <фунта>. Я деликатно заявила, что хлеба нам не нужно пока, пришел П. Е.: «Надо взять», — тут я не выдержала. «Зачем же платить 225 за фунт, когда мы купили и нам еще предлагают по 200». Мародерка позеленела, глаза вылезли, покраснела. «Значит, вам больше хлеба не заказывать, если не возьмете, то уже больше я совсем не буду носить». Я имею мужество подтвердить, хотя мы ей и должны еще 1500 р. Ставила компресс П. Е., нарыв вскрылся. Следовало бы посидеть дома, но необходимо идти в Рев<олюционный> Муз<ей>,¹⁰ на сегодня назначены хлопоты по добыванию валенок, перчаток, фуфаяк и др. П. Е. встретил вчера Чехонина.¹¹ «Я зарабатываю 3 ½ тысячи, а продаю 35 000...» Занялся торговлей.

Вспомнилось, как в последний раз Ев<гений> Ив<анович> Замятин¹² сказал: «Завтра начнем вторые штаны есть, отличные, аглицкие, с крапинками, одни уже съели». У Ашешева¹³ украли шапку в архиве, взамен выдали ему красноармейскую, баранью, у него в ней вид страшный, — сказал Павлуша.

На завтрак дала П. Е. хлеб с солью, ничего нет в доме. А Павлуша ушел совсем без завтрака.

Необходимо стирать. Это самое тяжкое. Когда я заявила Кар<олине>, чтобы она приготовила самовар, та разразилась негодованием. «Я не могу носить воды. Это трудно». И принесла-то она один раз 2 ведра всего-навсего, так как я, к счастью, своевре-

менно наполнила ванну водой. «Не носите, — ответила я, — сама буду носить. Вы ничего не хотите делать, я уже привыкла. Меня не удивишь». Но в награду все же выдала ей воблу. На рынке 1 ф<унт> воблы стоит 250. След<овательно>, я подарила ей 50 руб., ибо в фунте 5 штук.

Вспомнила, Ол. М. рассказывала: «Вчера в красн<ый> лазарет привезли раненых, белья не оказалось, так как все отправлено в стирку, в палатах 1° мороза. Так их и оставили лежать в грязи с вшами, на холоде».

.

Поставила воду на стирку.

Раздался стук в потолок, несчастная Зоя¹⁴ стучала ½ часа, я не слышала, она сообразила пойти наверх. Пришла замученная, опустилась на стул и заплакала жалкими бессильными слезами. «Вчера явился председ<атель> Комбеда,¹⁵ бывший прис<яжный> пов<еренный> Соколов: „Я все-таки должен вас отправить на принудительные работы“. Во-1-х, ей больше 40 лет, во-вторых, и главное, она больна тяжелой неизлечимой болезнью женских тазовых органов, болезнью, которая заставляет ее 20 дней в месяце лежать. Каждую ночь она ставит компрессы на ночь, у нее спайки кишок с маткой, воспаление мочевого пузыря. Ею представлены свидетельства от 3-х коммунальных врачей, и все-таки ее гонят. «Вы можете делать со мной, что хотите, я не пойду». — «Доставьте свидетельство от советского врача, Разъезжая 3». Это значит, нужно стоять дня 3 в очереди, чтобы добиться освидетельствования, на морозе, когда она стоять не может, и свидетельствовать ее будет или зубной врач, или фельдшер.

«У меня холод страшный, я сжигаю 12–14 огромных поленьев березовых, и больше 7° не могу натопить. Развился невроз сердца, с 3-х часов, когда начинается темнота, ни керосина, ни свечей у меня нет, мной овладевает смертельный ужас, и я лежу на диване, придушенная своими страшными мыслями. Надо ехать, больше ничего не остается. Но как ехать... к чужим людям с чуждым<и> взглядами, иными привычками».

Ее зовет к себе брат Ив<ан> Вас<ильевич>, крестьянин члена 1-й думы,¹⁶ пострадавшего в свое время, эмигрировавшего, проживавшего в Париже у <так!> революции, и теперь преследуемого. Он, между пр<очим>, исчез без вести.

Приезжайте, — пишут они Зое, — и хотя у нас отобрали все, Бог даст, все же проживем как-нибудь. «За 1000 р. мне предлагают устроить проезд и билет, продам что-нибудь, но бежать необходимо».

Я зажарила черный хлеб на корках от сала и угостила ее. Потом начала стирать, она же, сидя, выгладила еще мне сорочку П. Е.

Вечером П. Е. был в Ком-беде, выяснилось, что трубы отогреть, чтобы пошла вода, нельзя. Надо ждать оттепели!!! Иначе трубы лопнут!! Следовательно, до весны мы лишены воды, что будет.... страшно думать!

Принесли молоко, 170 р. бутылка. В 8 часов погасло электричество, топила печку, натопила до 11°, здесь же углями поставила самовар, пили чай с молоком. Бедный Павлуша был счастлив, выпил 4 чашки с хлебом, посыпанным песком. Немножко почитала. День прошел и слава Богу.

25/12 декабря.

У П. Е. распухла рука, переменяла компресс, позвонила Вас<илию> Дм<итриевичу>.¹⁷ Подошла Катер<ина> М.:¹⁸ «Это очень опасно, мож<ет> быть флегмона, сделайте компресс на всю руку, положите руку на перевязку».

Компресс на всю руку!! А где же взять ваты, компр<ессной> бумаги, бинтов? В аптеках не дают даже по рецепту докт<ора>.

Весь вечер плакала нервно. Чувствую, что навалился огромный камень, который не сдвинуть моими слабыми силами.

Все же после чая около 12 часов стирала, во время стирки погасло электричество, в темноте перевернула кувшин с водой, мыла пол, застыла совершенно, стирать пришлось в холодной воде. 5° тепла. Да, я и забыла о дневн<ых> происшествиях. В 12 часов дня пошла к В. Ив., взяла вещи на обмен, очень хочется продать что-нибудь или обменять. В. И. не застала, зашла к Никит<иной?>.¹⁹ Она категорически не советует

продавать на рынке. Вчера оцепили и отправили всех под арест. Были матери, у котор<ых> остались дома голодные дети, была дама, у нее дома остался тяжело больной муж, Н<икитина> вечером зашла его навестить, жена с утра исчезла, он лежит в жару без призора, голодный. Женщин отправляют в Чесменскую богадельню²⁰ и оттуда на принудительные работы. Я оставила вещи у нее и пошла купить что-нибудь на обед.

Мясо 850, телятина, одни кости, 650. Предлагали купить очень дохлую, замороженную курицу 400 р. фунт.

Купила 1 ф<унт> масла за 2200, 2 ф<унта> пшеница по 380 и 2 ф<унта> клюквы. На рынке у ворот стояла Ан<нуш>ка <?>, продавала бумажник и самодельные боты из солдатского, ярко зеленого сукна, она пианистка, окончила консерват<орию> с золотой медалью по роялю <?>. В другом углу очаровательная женщина в котиковой шубке продавала розовую шерстяную вязаную кофту.... 9000... «Она припачкана, еще ни разу не стиралась, но если вы выстираете, будет очень красиво, с белым....»

Страшно расшиблась, упала, минут 5 лежала, подошел солдат, помог встать. Долго стучала, пока Н<икитина> отперла, она ела свинину, муж из Кронштадта прислал, была очень сконфужена и старалась оправдаться. Домой опоздала, так как трам пошел в противоположную сторону, а окна заморожены.

Музей рев<олюции> посетили солдат 150 ч<еловек> и сестры милос<ердия>. Павлуша рассказывал. Были огорчены, что муз<ей> откроется только в янв<аре>,²¹ осматривали дворец. «Неужто царь через такую махонькую дверь ходил?» — спросил один любопыт<ный>, когда ему указали на детский подъезд.

Приехала Там<ара> Фед<оровна>. Когда ехала в вагоне туда, было жарко, 20°, на одной из станций сели в набитый вагон еще и 3 солдата — татары, один из них рядом с Там<арой>, через полчаса раздался крик: «Товарищи, спасите, убивают, грабят, спасите». Паника, так вдруг сосед говорит: «Не бойтесь, это наш кричит, у него бред, он еще не поправился от сыпного тифа, мы двое выздоровели, а его везем». Через минуту Т<амара> у себя на руке увидела огромную вошь.

Тиф — сыпной тиф... косит, косит без передышки.

Умерла преданная Маша, поехала добывать белую муку ребенку <нрзб.>... ее любимице, поехала их 5 человек, все заразились по дороге, 2 выжили, 3 умерло.

Была у Зои, день ее ангела, снесла в подарок 1 ф<унт> льняного масла, 1 ф<унт> пшеница, 1 ф<унт> муки и 4 конфеты. Она очень рада мне.

На стуле сидела жена полковника, завед<овавшего> батареей, обстреливающей враж<еские> аэропланы, замученная, муж болен сыпняком, поправляется... но рядом в комнате умирает хозяин квартиры, они живут в Парголово,²² в окно видно кладбище, на которое отвозят ежедневно сотни трупов, их сваливают, как дрова, без гробов, и лежат они не погребенные.

¹ Датировка — по старому и новому стилю.

² П. Е. Щеголев и П. П. Щеголев.

³ Инженер-технолог Василий Степанович Кониц; проживал на четвертом этаже дома И. Ф. Крымзенкова (построенного в 1912–1913 годах архитекторами Г. В. Войневичем и Д. Г. Фомичевым), в котором на третьем этаже семья Щеголевых занимала шестикомнатную квартиру. См.: Лурье Ф. Пушкинист поневоле: Дела и дни П. Е. Щеголева. С. 362.

⁴ Домашняя работница.

⁵ Прачка.

⁶ П. П. Щеголев в 1919 году, по окончании средней школы (бывшая гимназия К. Мая) осенью того же года поступил на историческое отделение Петроградского государственного университета.

⁷ Лекарство от заболевания дыхательных путей, лихорадки и т. п.

⁸ Видимо, не стихотворение Пушкина, а роман Достоевского.

⁹ Прибылева-Корба Анна Павловна (1849–1937) — член Исполнительного комитета партии «Народная воля», политкаторжанка; автор книги «„Народная воля“. Воспоминания о 1870–1880-х гг.» (М., 1926); член «Товарищества по изданию журнала „Былое“ и книг по истории революционного движения», организованного 21 июня 1919 года по инициативе П. Е. Ще-

голева. В архиве Щеголева сохранились 13 писем А. П. Прибылевой-Корба за 1917–1926 годы (ИМЛИ. Ф. 28. Оп. 3. Ед. хр. 366).

¹⁰ Имеется в виду Музей Революции в Зимнем дворце (тогда именовавшемся Дворцом Искусств), учрежденный по инициативе А. В. Луначарского, М. Горького, В. Н. Фигнер, Щеголева и др. 9 октября 1919 года постановлением Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (председатели Г. Е. Зиновьев и А. В. Луначарский, секретарь М. Б. Каплан). В декабре 1919 года были определены штаты Музея, П. Е. Щеголев был одним из активных организаторов Музея, назначен в нем заведующим архивно-библиотечным отделом, выполнял основную административную работу, наряду с М. Б. Капланом (впоследствии директором Музея) (см.: *Емельянов Ю. Н.* П. Е. Щеголев — историк русского революционного движения. С. 36–38; *Лейкина-Сеирская В. Р.* Из истории Ленинградского музея Революции // Очерки истории музейного дела в России. М., 1961. Вып. 3. С. 55–78). Подборка материалов, относящихся к деятельности Щеголева в Музее Революции, сохранилась в его архиве (ИМЛИ. Ф. 28. Оп. 2. Ед. хр. 224–236).

¹¹ Чехонин Сергей Васильевич (1878–1936) — график, художник книги, мастер декоративно-прикладного искусства. В 1918 году принимал участие в разработке советской эмблематики, с того же года возглавлял художественный отдел Государственного фарфорового завода в Петрограде.

¹² Е. И. Замятин (1884–1937) по возвращении из Англии в Россию в сентябре 1917 года основался в Петрограде, где вел разнообразную литературно-общественную деятельность (работа в редколлегии издательства «Всемирная литература», в правлении Всероссийского союза писателей, в комитете Дома литераторов и т. д.).

¹³ Ашешов Николай Петрович (1866–1923) — журналист, драматург, прозаик, критик; секретарь редакции журнала «Былое».

¹⁴ Соседка по дому.

¹⁵ Имеется в виду домовый комитет бедноты.

¹⁶ Видимо, подразумевается: крестьянин губернии или уезда, выдвинувших данного депутата в 1-ю Государственную думу.

¹⁷ Врач Василий Дмитриевич Соколов — хирург, ранее ординатор детской городской больницы.

¹⁸ Жена В. Д. Соколова.

¹⁹ Видимо, соседки по дому или ближайшим домам.

²⁰ Чесменская военная богадельня (или Чесменский инвалидный дом) была открыта в 1836 году в перестроенном (по проекту А. Е. Штауберта) Чесменском путевом увеселительном дворце (1774–1777; архитектор Ю. М. Фельтен) на седьмой версте по дороге из Петербурга в Царское Село.

²¹ Объявление об открытии Музея Революции было опубликовано в «Петроградской правде» 10 января 1920 года (№ 6).

²² Дачное предместье к северу от Петрограда.

<2>

<ДНЕВНИК 1923–1929>

Очнусь ли я в другой отчизне,
Не в этой сумрачной стране?
И памятью об этой жизни
Вздохну ль когда-нибудь во сне?

Что мне спеть в этот вечер, сеньора,
Что б мне спеть, чтоб вам сладко спалось?

Александр Блок.¹

1923-й год. 20 июля.

Детское, бывшее Царское Село.

<2 листа с текстом вырваны.>

<...>

Пришла домой. Чудесно. Такой аромат цветов и свежесть, на балконе 40°. Легла, вдруг слышу голос: «В<алентина> А<ндреевна>». — Смотрю — Т<атьяна> Н<иколаевна>:² «О<льга> Аф<анасьевна> приехала, вас ждут с Фед<ором> Куз<ьмичем> в Екатер<ининском> парке».³

Федор Кузьмич! Милый, бедный Ф. К. Они сидели в тени и промерзли. Мы сейчас же пошли все домой к Ф. К. У него болит нога. Были судороги. После припадка сердечного немеет левая нога: «Должно быть, паралич будет, — сказал он. — Никаких излеществ не позволял я себе, не пил, не кутил, не влюблялся, а вот поди ж ты» — и засмеялся долгим нервным, невеселым смехом. Он очень устает и очень раздражается.

Завтра в Федор<овском> соборе прест<ольный> праздник в приделе Серафима Саровского.⁴ Сзади шла дама, она слышала мои слова, переспросила, верно ли она поняла о празднике Серафима. Я ответила. Вдруг Ф. К. вслед ей закричал: «Не ходите, это не настоящий праздник, это жульнический, установленный мерзавцами, настоящий будет через 13 дн<ей> по стар<ому> стилю». Она не слышала и прошла вперед. «Если она хочет молиться, не все ли равно когда», — вздумала я было вмешаться...

Тут и пошло. Он покраснел, начал браниться. Я хотела обратить все в шутку. Какой же вы сами-то христианин? Раздался крик: «Вы не смеете мне запрещать говорить, что я думаю. Это насилие, вы не имеете права». Насилу успокоили, уж я извинялась. Ол<ьга> Аф<анасьевна> вступилась: «Я тоже думаю так, как В. А., а вот Ф. К. с Анничкой строги. Анка матери не позволяет в церковь ходить⁵ (а сама-то и раньше никогда не ходила)».

<9 строк вымараны.>

Тожe борьба <1 слово вымарано>. Оличка С<удейкина> вся истаяла от страсти, еще похудела! Она успела мне бросить: «В. А., совершилось чудо, о каком я и мечтать не могла. „Он“ пришел ко мне. Я счастлива. Мож<ет> быть, больше никогда его не увижу, но все равно. Я совершенно неменяема».

Дома Ф. К. развеселился; когда он бывает несправедлив, то всегда стремится потом заглядеть, шутит, острит. Был милый, ласковый, дурашливый, угощал конфетами. Я ему подложила 2 пустые обертки, очень веселился.

Пришла Тamarочка Форш⁶ с прекрасным букетом из жасмина, бел<ых> лилий и красного шиповника Федор Кузьмичу. Читала стихи страшно робко, волновалась ужасно. Стихи хорошие. Она умненькая, нежная.

Ф. К. сначала был резок: «Почему так много поэтов, и все так хорошо пишут стихи. У вас стихи хорошие, но это все не свое. А где же свое, не похожее на то, что уже было написано? Лучше, если бы у вас были плохие стихи. Вы давно пишете?» — «С восьми лет». — «Значит, сколько же лет». — Я подсказала: «Лет 12–14».* — «Печатались?..» — «Нет». — «Надо печатать».

Мне очень хотелось с ней поговорить. Но я знала, что больше еще нужно Олиньке С<удейкиной>. По дороге она с таким волнением описала мне свое счастье. Как она не вынесла, утром пошла к нему, пригласила его на вечер. Под предлогом отъезда. Он согласился. Как вечером ждала. Пришел Кузьмин <так!>, Юркун,⁷ еще кто-то. ½ 9<-го> — его нет, 9 — нет. «Я вся побелела, но разыгрывала любезную хозяйку. Наконец, не выдержала. Кузьмин играл, и я предложила выпить вина, встала и вдруг вижу в окне: идет... идет он!⁸ Я как птица полетела к дверям. Какое счастье любить, о какое счастье. Он играл из „Дон Жуана“ дивно.⁹ Кузьмин был в восторге. А в 12 все начали прощаться и он, у меня онемели конечности. Я вежливо попросила его еще побыть немного. Он согласился. Все ушли. Анна¹⁰ сейчас же простилась. И когда мы остались одни, я не помню, как очутилась у его колен, и пламенем своей любви я растопила его холод, и он обнял меня, эти дорогие руки..... Я знаю, я знаю, что, мож<ет> быть, это больше не повторится, но это такое счастье. 2 года я выдерживала после страшного письма, в котором он прогнал меня, „я хочу быть один, писал он, не смейте никогда приходить ко мне“. О, как я страдала все это время, что я вынесла, какие муки. И вот он был у меня. Эта голова Бога покоилась на моем плече. Эта ночь, я просыпалась, точно неслась куда-то ввысь. Он был подле меня. Он ушел в 11 ч. Корректный, строгий, и спросил: „Прощайте или до свиданья...“ — „До свиданья“, — ответила я».

«Как безумно я хотела бы иметь ребенка. У меня была бы цель, был бы смысл в жизни. О бедные, бедные, бездетные женщины. Но этого не может быть!» — приба-

* Ей оказалось 25 <Прим. В. А. Щеголевой>.

вила она холодным деланным тоном. — «Останьтесь у меня», — сказала я. — «Нет. Анна ждет меня». — «А как ее дела?» — спросила я. — «О, она так счастлива, ее любят так нежно, так беззаветно, а ей все равно, она заботлива, ласкова, внимательна, но любить не может.¹¹ Она любила один раз, но такой испепеляющей любовью, которая выжгла в ней все. А он уехал, через 2 недели женился в Лондоне.¹² „Пусть только придет, — говорит Анна. — Я выгоню его вон, как собаку“».

Все-таки они обе очаровательные, изумительные женщины.

И еще прибавила О<линька>: «Анне везет, ее так любят, а меня нет, меня никто не хочет». — «Может быть, бояться подойти к вам? Вы так прекрасны, так обаятельны! так пленительны!»

«Обаятельна!» И она улыбнулась с горькой иронией.

Как она мила, нежна, как достойна любви!

Мир полон загадок, хотя все как будто и просто.

Все утро просидела у памятника Пушкина с его стихами.¹³ Рядом лицей. Церковка. Было тихо. Точно во сне все это. Сто лет в сущности мгновение. Ф. К. постоянно говорит, что жизнь человека слишком коротка, что слишком рано изнашивается тело. Ведь только к 50-и годам мысль человеческая приобретает устойчивость, отточенность, «мне 60 лет, у меня истрепанное сердце и старое лицо, а вдохновение не покидает меня и ощущение жизни так же остро, как в 25 лет, родиться на этой милой земле, напиться ей не досыта и умереть. Нет, человек создан не совершенно». А здоровье его очень слабо, и как он, всю жизнь призывающий смерть, любит жизнь.

20 <июля>.

Звонят, звонят колокола! Вспомнила. Завтра Ильи пророка. Уж все равно перехожу в новый стиль.¹⁴ Принимаю!

«Илья пророк на печи промок», — говорили в детстве у нас в Малороссии. Под вечер забарабанил дождь. В 10 ч. я пошла встречать Павлов¹⁵ на вокзал. Приехал только старший. Очень приятно было увидеть его великолепную большую фигуру. Ник<олай> Ив<анович> Иорданский назначен послом в Италию.¹⁶ О нем в газетах помещены большие статьи. Но у него так много врагов среди эмигрантов....

П. Е. сделано предложение от Севзапкино написать сценарий: «Пушкин, его жизнь и смерть» и еще целый ряд биографий — сцен из жизни писателей.¹⁷ Это хорошо и в педагогическом отношении. Показать молодому поколению, как погибали гении под гнетом нелепой тягостной житейской обстановки.

В кино пока царит бедлам. Беспорядок невероятный. Но мечтают о большом и, пожалуй, года через 2 справятся. Они очень ухватились за П. Е. Он подал им целый ряд блестящих идей. Показать в кино, как путем неизбежных событий Россия должна была прийти к Революции и освобождению от абсолютизма. И в ярких картинах показать этот путь. Очень заняты подыскиванием актеров для «Дворец и крепость».¹⁸

Льет дождь.

Лена сказала: «Стерватория предсказывает, что дождь заладит на 3 недели».

10/<23> июля.¹⁹

Павел стар<ший> пробыл 4 дня вместо 2<-х>. Никуда не хотел выходить. Сидел, уткнув нос в глупый роман Жаколио.²⁰ Говорит: «Я отдыхаю от книг и людей, этот роман, занимая время, нисколько не трогает ни ума, ни сердца, точно сквозь решето просеивается без следа. Это и есть настоящий отдых».

Очень много говорили о Пушкине, весь вечер был ему посвящен.

«Как ты начал заниматься Пушкиным? — спросила я. — Ты увлекался восточными языками, был на вост<очном> фак<ультете>».²¹ — «Я одновременно слушал лекции и на филологич<еском> и под конец уже больше склонился к литературе, начал писать работу на премию.²² Пушкин меня привлекал еще на школьной скамье. А первый толчок дала работа о Раевском,²³ попутно я познакомился с Ефремовым,²⁴ который в этом направлении имел на меня большое влияние».

В парк я все-таки его вытащила.

В воскрес^е были гости: Соколовы В. Д. и К. М.²⁵ В. Д. старый заслуженный хирург, все время работавший не покладая рук, рисковавший очень многим, остался без места. Жена говорит, что он хотел покончить с собой. И он это сделал бы. Пришлось спасать его, поддерживать морально, тащить матер^иальные тяготы, он как ребенок, совершенно не способен к борьбе, к самозащите. Хирург без больницы, это все равно что музыкант без инструмента. Анекдот о ^{нрзб.} и правда о ^{вымарано.}. Его пригласили к больному, заплатили 500 м^{иллионов}. Он возвратил деньги и сказал, что берет за визит миллиард. И еще: в больницу пришла женщина с ребен^{ком} и сказала, что у нее нет денег. «Ты оставь ребенка в больнице и сама сходи домой, добудь денег, тогда я тебя и буду лечить», — сказал хирург.

Положение врачей отчаянное, почти ½ безработных. Практика запрещена, в сущности, так как практикующие врачи должны платить очень большие налоги. Известные врачи, конечно, могут выработать на всё. А сколько среди них, обремененных семьями!

Павлуша²⁶ прислал поклон, просит сообщить, что у него все обстоит благополучно. В «Детское» не собирается.

Крепись, мамаша!

Август.

7-го будет 2 года со дня смерти Александра Блока.

<2 строки вымарано.>

Бедный Павлуша один справлялся, отстранив посторонних. Все-таки пересилила себя, в 2 ч. поехала в Петр^{оград}. А на другой день утром полуживая отправилась на Смоленское. В церковь зайти на обедню не было сил.²⁷ Прошла прямо на кладбище. У могилы сидел какой-то молодой человек, когда я опустилась на колени у креста и спрятала лицо в цветах, меня душили слезы, он быстро поднялся и ушел. Я положила и свои цветы на эту дорогую могилу, села на скамеечку и задумалась. Мне казалось, что уже поздно, никто больше не придет, но я ошиблась. Минут через 15 пришли из церкви: Люб^{овь} Дм^{итриевна}, Мар^{ия} Анд^{реевна}, Ев^{гений} П^{авлович} Иван^{ов}, Разумник-Ив^{анов}, Верховск^{ий} с женой,²⁸ 2 незнак^{омых} мне дамы. Это все, еще мин^{ут} через 10 пришла Дельмас.²⁹ <5 слов вымарано.> На кресте у Блока карандашом было написано: «Ты в поля отошел без возврата, Да святится имя Твое».³⁰

Была у Фед^{ора} Кузьм^{ича}. Как всегда добродушно придирался почти к каждому слову, но ласково, был весел и очень мил. Прочел мне 5-ю и 6-ю песни поэмы Мистрала «Мирейя».³¹ Чудесно. Из 12 песен он перевел уже 6, в такой короткий срок. Такая сочность и красочность и смелость образов, и реализм, насыщенный легендами Прованса, пропитанный католицизмом и южным страстным темпераментом. И ночь, когда я возвращалась домой, была полна очарования. Луна на чистом небе, собор Екатерины³² сиял всеми 5-ю золотыми куполами. Тихо, тихо и только звуки ноктюрна Шопена окрыляли тишину. Играла девушка в общежитии Сельскохоз^{яйственного} института. Окна открыты. Рояль у окна. Вокруг склоненные девичьи головы.

На другой день:

Раздирающая душу картина: чахоточного вида человек с тусклым, усталым взором тащит на спине шарманку и ведет за руку крошечную девочку не более полутора лет. Сеет беспросветный дождь, на панели мокро, ножки у девочки, обутые в сандалии, пропитались водой, она покорно идет с человеком с шарманкой, и я вижу их из своего окна, маячащими всё по одной улице. Наконец они зашли в наш двор. Льет ливень. Человек ставит шарманку и начинает петь истошным голосом: «Маруся отравилась»....³³ Ребенок обнял деревянную ногу шарманки и покорно стоит, уткнувшись в нее носиком. Страшно смотреть на эту маленькую спинку в пальтишке со сборками и на затылок в детском чепчике.

Сижу одна. 10-й день льет дождь.

Сегодня в газетах страшная весть. 11 городов Японии погибли, разрушены землетрясением, 6 минут, и достижений чело^{веческих} многовековых как не бывало.³⁴

Грандиозно. Жаль прекрасную страну восходящего солнца, жаль прекрасный, трудолюбивый народ. Бедствия неисчислимы.

В санатории дом<а> уч<еных>³⁵ никто ничего не знал, да когда и узнали, не выразили особого волнения. Где-то что-то там случилось! Хорошо, что мы живем на севере и у нас нет вулканов!

Вчера вечером в дом<е> уч<еных> был литер<атурный> вечер. Фед<ор> Кузьм<ич> тоже потихонечку приполз. Упрямый, на извозч<ике> ни за что не хочет ехать. Еле шел, прихрамывая. Они зашли за мной. Вид у него неважный. Опять сердце болело. Читал он первым, волновался, но потом отошел. Стихи прекрасные, но не все их слышали. Очень тихо начал. И руки дрожали, когда держал тетрадь. <Полторы строки вымараны.> Вален<тин> Кривич, сын Иннокен<тия> Анненского, прочел целый ряд стихов³⁶ <2 строки вымараны> значительны и по форме и по содерж<анию>. Еще Сюннерберг³⁷ очень хорошо, только уж чтец... он слабоватый. Затем поэт-земляк³⁸ читал сначала русские, а потом украинские стихи на родной мови. Из «родной мови» ничего не поняла. Юраша Верх<овский> лохматый, в нищенски заношенной толстовке прилетел ко втор<ому> отд<елению>, прочел поэму «Березка»,³⁹ трогательный он, и стихи очень милые. И в завершение О<льга> Д<митриевна> рассказ про Антон Ив<ановича> из быта самостийной Украины.⁴⁰ У нее в творчестве уклон к сарказму. Очень она гордится новым романом,⁴¹ говорит, что очень все хвалят, но мне его читать, видимо, не хочет и П<авлу> Е<лисеевичу> тоже. Здесь и фильма⁴² — не мож<ет> простить П. Е. того, в чем он совершенно не виноват. И я думаю, влияние Княжнина.⁴³ А влияниям она поддается чрезвычайно легко, как самая молодая легкомысл<енная> девушка. И вообще не так она проста, как говорит.

Зима.

1924 год. Январь.

Началось это так: проснулась утром, холодно, на окнах лед. Что-то тревожно стало; не захворала ли Ньюша.⁴⁴ Встала. Так и есть. Лежит. В комнате у нее и на кухне, я думаю, градуса 2 мороза. Отчаянье. Что делать? Встала, навьючила на себя 70 одежды и начала работать. Топила печи, сырые дрова без растопок. Вымазалась золой и сажей с ног до головы. В 4 часа на кухне звонок. О, счастье. Помощь пришла. Кто там? Голос <вымарано> «Мы...» И в кухню влезают. <Вымарано> с певицей <вымарано> Сер. — новая жена?⁴⁵ Пис<атель> (?) Алексеев⁴⁶ и <вымарано>. Позвала П. Е. Он очень огорчился сначала. Так хорошо с утра вошел в работу. Но человек он отходчивый. Через ½ ч<аса> на столе уже стояла бутылка коньяка, затем мадеры, затем портвейна и, наконец, последняя из запасов бутылка красного. Настроение у пьющих очень поднялось. <Вымарано> отозвав меня в сторону, назвала новую жену Пильняка мымрой, прибавив: «Променял кукушку на ястреба».⁴⁷ Потом она начала доезжать О<льгу> С<ергеевну>. У нас в Петербурге нельзя того, да нужно это. Требовала Пильняка к себе. Он спросил: «Оленька, можно мне?» «Нет, — сказала Ол<енька>. — Это рабство» <Вымарано.> «Почему, — спросила я, — ведь они делают то, что хотят», — «да, — сказал П<ильняк>, — если бы я хотел перейти к вам, я бы не спрашивал», а Оленька прибавила: «Я хочу, чтобы он всегда был со мной, мне скучно без него, я очень его люблю». <Строка вымарана> толкала меня ногой под столом. Было глупо и неловко.

Елис<еич> рассказывал, что Пил<ьяк> и Алекс<еев> отвели его в сторону и сказали: «Избавьте нас от этой бабы, вторые сутки доезжает, больше нет сил, не баба, а черт какой-то, стерва» <Полторы страницы вымарано.>

Потом, выпив всё, отправились все к Никитиным⁴⁸ обедать. А после обеда предполагалось чтение романа Пильняка⁴⁹ и рассказа Алексеева.

Обедали, всё было тихо (пока не пришел Толстой⁵⁰). Если не считать неловкого настроения Пильняка, он целовался все с Ол<ьгой> С<ергеевной>, носил ее на руках, потом она целовалась со всеми, потом они ревновали друг друга, опять целовались; вышли из-за стола и провалились. По этому поводу сделано было замечание, что их отсутствие через 9 м<есяцев> даст плоды. Толстой прибавил что-то о 8-час<овом> рабочем дне Пильняка и вылил на скатерть воду из бокала, ему нужен был бокал

для вина. Потом я раза 2 видела, как он проделывал то же и с остатками вина. Просто, не задумываясь, на скатерть! Европа... ничего не поделаешь! Напились окончательно. Людмила⁵¹ пошла рвать, запачкала мой мех и завалилась <вымарано> на кровать <вымарано>, где и опочила. А действие продолжалось.

Острили, рассказывали анекдоты, констатировали, что пока что, за столом, нет ни одно<го> <выскоблено⁵²>. Пили. Евг<ений> Ив<анович>⁵³ не пил, сидел тихо — смирный и улыбался <2 строки вымараны>. Начали собираться трезвые на чтение. Ольга Дмитриевна, Зощенко, Полонская, Мих<аил> Слонимский, Федин.⁵⁴ Ол<ьга> Дм<итриевна> мне вдруг говорит: «А знаете, В<алентина> Ан<дреевна>, М<ыма>рано> мне жаловался, что в „Правде“ не хотят помещать его статьи о моем романе.⁵⁵ Они сказали ему, что рекламировать Ольгу Форш не желают, так как она не октябрьского толка. Вы никому не говорили о Меньшом?»⁵⁶ Я успокоила ее, ибо я действительно никому не говорила, да мы и из дому не выходили. А дело-то ведь и так ясно. М. коммунист, прослушал роман и понял как нужно, а ей он объясняет, чтобы смягчить, иначе.

А потом Ол<ьга> Дм<итриевна> спросила: «А П. Е. роман будет писать?» Я засмеялась. Зачем?

«А мне говорили, что он будет писать!⁵⁷ И если бы вы знали, как люди злы и завистливы, что они говорят о П. Е., и если б вы знали, кто». Я не допытывалась, это все так нелепо, мелко и глупо. Я только сказала: «Если бы вы знали, какой законченный, какой <вымарано> *большой* и умный человек П. Е., вы бы этого не говорили. Чтобы поверить в это, нужно видеть его каждый день, жить с ним рука об руку. В нем полное отсутствие какой бы то ни было мелочности и полное равнодушие к суждению, сплетням и злобе людей». Вдруг входит Зоя⁵⁸ [и говорит, что] «сейчас по телефону говорит пролет<арский> поэт Семенов,⁵⁹ кот<орый> спрашивает, согласны ли русские писатели выразить сочувствие, сожаление по поводу смерти Ленина».⁶⁰ «Согласны», — раздалась пьяные голоса, но не очень единодушно. «Значит, можно сказать о вашем согласии. Все согласны?» «Кроме меня», — раздался голос <вымарано>. — «Почему?» <Вымарано; частично восстанавливается: Евг<ений> Ив<анович>>, «кроме меня». — «Вас не упоминать, хорошо!» А дело было так. Пьяный Н. Никитин говорил по телефону, сообщил, что у него собрание писателей, и сам предложил собрать подписи для выражения сочувствия. Замятин услышал и негодующим тоном выразил протест. «Как можете вы предлагать пьяным людям, ничего не соображающим, такую серьезную, ответственную вещь, как объявление в газетах за подписями. Будь они все трезвы, другое дело, а пьяные за себя не отвечают». Спьяна Павлуша⁶¹ негодовал, и даже плакал, разругал Зою,* <вымарано>. Ол<ьга> Дм<итриевна> нашла, что в нем много романтизма врожденного. «Вот все они, и Маркс, и материализм, и позитивизм, а подлинная закваска прорвет». Спросила у П. Е., уместен ли анекдот о Полисадове.⁶² «Учишь, учишь вас слову Божию, а потом вешаешь!» Вдруг раздался голос Всев<олода> Ив<анова>,⁶³ громкий с присвистом: «Да все вы пыль, пыль и больше ничего, личность уничтожена, писать нам нельзя, ибо пишем мы не то, что хотим, а то, что прикажут. Эй вы, скоморохи, катайте про совхозы, кооперативы и выжимайте из себя. Своего нет. Пыль, ... мать, пыль и больше ничего. Какой же может быть писатель из-под кнута, как может он развиваться, отливаться в свою форму, когда ему рожу всё в одну сторону сворачивают. У потаскухи Екатерины был Державин. У <вымарано> свои наемники псы. Пыль, сволочи. Погибшие, нет нам выхода, и ничего из нас не выйдет. Колька Никитин подражает Пильняку, я — Замятину. Вот и всё».... И долго еще говорил горячо и безнадежно. Я отошла.

За столом сидели Толстой и Алексеев. «Толстой, ты нищий, нищий, пришли к тебе писатели, друзья, а ты им чаю... чаю... с конфе...тка...ми. Нищий, когда мы к тебе приходили в Берлине, ты никогда трезвыми нас не отпускал, всего вдоволь было. Потатился в Россию, и меня потатил,⁶⁴ ну зачем ты сюда приехал, ну за-

* «Ты не должна была в этой пьяной шайке поминать имя Ленина, это святотатство».

А он плакал от негодования, что священное имя Л<енина> произносится в такой обстановке.

чем?» — «У меня 18 <человек> детей, понимаешь, 18» (Толстой). «Как... так вы думаете, что писатель Толстой для того приехал в Россию, чтобы пить, для этого разве должны возвращаться писатели на родину, и вы смеете это говорить и вам не стыдно», — вдруг вылезла я. Толстой заморгал и куда-то удрал. А обиженный Алексеев подсел ко мне. «А почему вы воображаете, что нужно было оставаться в России, что Р<оссия> вам дала, что дала крестьянину, я сам крестьянин,⁶⁵ какой нарез земли?» — «Не в нарезе дело, — сказала я, — а в сдвиге <?>, и что долю <?> России революции мы увидим через 10–20 лет,^{*} но писатели должны были сидеть здесь, страдать, голодать, омочить руки в крови, а не умывать их, не искать благополучица, не отряхнуть трусливо прах. Блок — вот чье имя вечно на скрижалях родины, он погиб, принес себя в жертву,^{**} но не ушел, не предал родину, не стал прихлебателем у французов, чехов и пр.». — «Вы не правы, вы сидели в голоде, холоде и ничего не видели, а я 9 стран объездил».⁶⁶ — «9 стран, от них для России ничего не дадите». Он злобно смотрел на меня и этого мне не простит.

У другого стола П. Е. разносил Замятина. Пьяным голосом, но очень уверенным и с темпераментом. «Принять надо рабочее-крестьян<ское> прав<ительство>, принять, а не замыкаться, до дна окунуться, войти в недра, вот тогда сможете писать, а так будете только повторяться, на одном месте стоять, роста не будет, в тупик попали, принять до дна все, что творится». Зам<ятин> задумчиво слушал, неуверенным голосом подавал скептические реплики, но все же под конец сказал: «Мож<ет> быть, вы и правы!» Направо в комнате Пильняк целов<ался> с Оленькой и спрашивал кого-то, целовал ты ее в живот? Я повернула опять <в> столовую. Тол<стой> сидел против Алекс<еева> и, тыча ему в нос пальцем, говорил: «Ты говно.... ты говно.... американская вонючка»; — «А ты, граф, 60 дол<ларов> спер. Мы тебе их собрали, а ты их на вокзале пропил». — «Нет, я их носильщику отдал».... Кто-то спросил: «А что, Яценко⁶⁷ не собирается в Россию?» — «Нет, — ответил Толстой. — Он служит. Живет ничего, а только перестал мыться, прачки отказываются ему подштанники стирать, 1 раз в год меняет».

Миша Слонимский не принимал никакого участия в разговорах, он все время танцевал фокстрот, простой, еще какой-то, шимми, танго, вальс, мотался, точно полотер по комнате, насвистывая разные мотивы. Зоценко смотрел, смотрел, слушал, потом потихоньку молча оделся и ушел; чтение не состоялось. Пьяный Пильняк сидел на полу, на коленях у него, поперек раскинувшись, лежала Оленька. Каким-то чудом мне удалось уговорить Елис<еича>, мы оделись и вышли. Сели на извозчика. На Марсовом⁶⁸ Елисеич свалился в сугроб, извозчик не заметил и далеко проехал вперед. Елисеич на четвереньках барахтался, пока наконец вылез. Кое-как добрались до дому. Но в кабинете он лег (как не раз уже бывало) на полу, и я, провозившись с ним до пота часа полтора, принесла подушку и покрыла его одеялом. Под утро он лег на постель.

1927 год. Февраль.

Дожили до 927-го года...

Это много. А главное, совершенно ни к чему. Больше жить не нужно. Никого ничему не научишь! Сыну я больше не нужна. Он строит свою жизнь. Не очень умело. И не раз расшибет себе лоб впереди, но я уж тут ничего не смогу поделать; моя песня спета, а для него звучат иные песни, иные мотивы. В сущности, конечно, это все та же канитель, те же лейтмотивы в пределах 30-ти лет (20–50), но он только что запел их, только что зажег огонь, и пламень его так буен, так неудержим, что сейчас в его жизни все горит пожаром, <6 строк вымарано>.

Хочу дожить еще до весны. Увидеть лето, осень. А зимой на покой. Глупые слова. Не от нас все это зависит.

Жизнь у нас трудная — нехорошая. Вещи все описаны, и все еще приходят какие-то типы, еще описывать... <Полстроки вымарано.>

<2 листа с текстом вырваны.>

* <Позднейшая приписка карандашом внизу страницы:> Увидели!!! на 14 год!!!

** <Позднейшая приписка карандашом внизу страницы:> и напрасно!

<...> сжимающую сердце при виде каждый день наплывающих векселей (для упрочения якобы благосостояния изд<ательств>ва) и безоглядную подпись П. Е. на этих векселях: П. Щеголев.⁶⁹

Я чувала, как растет снежным комом ком этих страшных векселей, я слышала первые раскаты отдаленного грома, как П. Е. впервые начал мне говорить: «Краков⁷⁰ что-то путает, Краков — рамоли, Краков погубит дело, но не могу же я — редактор — заниматься хозяйственными делами, не могу же я тратить на это время». Краков же неукоснительно приводил каких-то жуликов, где-то их откапывал, якобы финансистов, развивал при их помощи широкие перспективы развития и обогащения изд<ательств>ва «Былое», ловил на эту удочку П. Е., и тот опять подписывал векселя, учитывал же их Краков, и много тысяч учтенных им векселей не оказалось в бухгалтерских книгах «Былого», он их использовал для себя. Из кабаков не вылезил в Академ<ическом> <?> клубе, жил в Москве на широкую ногу, москов<ские> гост<иницы>, Кружок и пьянство, пьянство без передышки, без просвета.⁷¹ П. Е. я не оправдываю, он безвольный человек, пассивный (активным его можно заставить <быть> только до извест<ного> предела), доверчивый, слишком спокойный и слишком равнодушный, и «Былое» он, почуяв крах, тоже забросил, когда он понял, что дела изд<ательств>ва доведены до такого состояния, что в них страшно разбираться, он, как страус, спрятал голову под крыло и перестал ходить в редакцию, но векселя всё приносились, <вымарано> папашей Краковым и <строка вымарана> и все подписывались, «Коготок увяз, всей птичке пропасть». Проворовались и лопнули 4 издательства — распространители изд<аний> <и> т. п. <?> 60000. Не присылали подписных денег рекомендованные Кр<ако>вым конторы, Каганский удрал за границу, накрыв изд<ательств>во на 40 000,⁷² магазин в Москве (?! увлекательная идея обогащения) разворован,⁷³ и вместо прибыли в 50 000 ежемесячной, при возвращении его прежним хозяевам дал убытку 14 000.

Всех безобразий не перечесть. И в результате П. Е., положив в «Былое» чистых денег до 7000, не получая ни копейки гонорара, теперь еще должен выплачивать до 20 000 долга. Докатились! Конечно, он не коммерсант и хозяйств<енными> делами не интересовался и ни черта в них не понимал, но нельзя же быть пешкой в чужих руках, нельзя же так неоглядно доверять Кракову, и потом, оценив его бездарность, ограниченность и слабость к игорным домам, не найти мужества потребовать от него отчет и разом прекратить это несчастное издательство.

1927 год. 7-е марта.

Проснулась в 7 ч. Кончила «Пушкин в креслах» Гроссмана, начала Достоевского, его же.⁷⁴ П. Е. встал. Начался день с 10 часов. 3 раза звонила Жаку.⁷⁵ Он должен был вчера тотчас по приезде из Москвы привезти П. Е. взятую им «Саломею»⁷⁶ (продать не удалось, и мы попадаем опять в тину мук долговых) и деньги за 2 взятых им картинки (проданные уже давно, по слухам), но, конечно, он не явился в назначенный срок ни вчера, ни сегодня. Наконец, угрозой удалось вызвать его к телефону, и дело приняло совершенно неожиданный оборот, ибо Жак, не имея чем заплатить, принял наступательное положение, объявив, что за распространение оскорбительных для него, Жака, слухов (в частности, что он спер у П. Е. 2 картины, что пока ничем и не опровержено) он по расправе вызывает П. Е. на третейский суд. На что получил по телефону соответствующий ответ. Это первое.

Второе: звонил Тернавцев А. В.,⁷⁷ приглашал П. Е. сдавать ликвидаторам

<2 листа с текстом вырваны.>

<...> пошли хорошо, и Павлуша начал зарабатывать не плохо,⁷⁸ 150 и больше, до 200 р. в месяц, каковые целиком и тратил на себя. Затем он женился, и на нас свалилась новая обязанность содержать его жену, одевать, обувать, кормить и развлекать, ибо денег, им получаемых, оказалось двоим недостаточно, П. Е. выдавал ему еще, кроме совершенно полного содержания, до 100 р. в месяц. А летом поездка их в Евпаторию обошлась до 600 рублей. Дела П. Е. расстроились, но аппетиты молодых не только не уменьшились, но возросли. В начале года в сентябре дела Павлуши тоже по-

низилась, отпал <?> <нрзб.> Зиновьева,⁷⁹ остался только университет — 24 р. в месяц, за вычетом 20. Это вызвало страшное раздражение в Ирине,⁸⁰ она кричала на него, обзывала дармоедом, «на кой ты мне черт сдался, если не будешь добывать денег!» Он ходил пришибленный, требовал у П. Е. деньги, и сказал <?>

<Лист с текстом вырван.>

<...> только денег, интересующейся только денежными радостями, тряпками, едой, питьем, танцами. Молодая женщина 21 года, властная, не добрая, эгоистка до кончиков ногтей, жадная, неделикатная, невоспитанная, невежественная, ничем не интересующаяся, ленивая, циничная, <слово вымарано>, нечуткая. Мы всячески старались внушить ей мысли о самообразовании, у нас столько книг и все мы вечно зарыты в книгах, она ничего не видит. Для нее шкафы с книгами — белая стена, и ни разу за 2 года она с волнением не подошла к ним, не увлеклась, не загорелась. Она читает по страницам, «я уже прочла 50 стр<аниц>», валяясь, и через 10 минут засыпает. Никакого духовного просвета, борения, страшная самоуверенность в своей неотразимости, внешне она очень легко привлекает внимание, у нее красивая головка, глаза. Но <вымарано> плохие зубы, <вымарано> огромные ноги <вымарано>.

Она грубо требует деньги у Павла, я слышала как-то, как она злым голосом женщины с улицы, визжа, кричала: «Давай деньги, давай деньги, деньги, себе половину взял, жирно будет», — и он покорно отдает, лишь бы не орала. Между ними бывают сцены грубые, и Пав<луша> тоже на грубость отвечает грубостью, и это тяжело и вызывает у меня горькие мысли. Но он к ней привык и любит ее, хотя и не так пламенно, как в первый год. Работа служит ему большим отводом и спасением.

Было свидание с Ольгой Дмитриевной. Наконец-то! Она чудесная. Живет так же под небом,⁸¹ в одной комнате, большой пыльной <?>, что-то устроено, прилажено, но это все не нужно ей, случайное, кость — традиции старой. Она свободная, горячая, умная женщина. С ней легко, она вливает бодрость. Дочь у нее Тамара очень уж хороша. Обаятельная внешне, с милым лицом, чудесными бархатными глазами, самостоятельная образованная девушка и непреклонная, так мне кажется, она не из тех, что уступают и меняются на мелочи. О. Д. полна жизни творческой: «Из меня прет, в проекте 5 романов, я чувствую, что только теперь научилась писать (молодая советская писательница, — смеется она!). И хорошо, что я осталась без денег, с 3 детьми во время революции,⁸² это толкнуло меня на работу, разбудило дремавшие силы, я чувствую благодарность моим предкам, накопившим для меня интеллект». Посудачили. Она очень тонкий психолог и с лёта улавливает сущность человека. Говорили и о Павлуше. «Сколько ей лет», — спросила она про Ирину. — «21». — «Не может быть, у нее такие опытные глаза, ей года 24, если не 26». Бродили по Мойке, к дому Пушкина, Марсово полю.

Очень метко охарактеризовала она Анну Андреевну. Грустно и больно, но кое с чем я не могла не согласиться. Пассивность, замкнутость, отсутствие побудителя. Она больше любит себя, чем свое творчество..... Но ведь она так больна и телом и духом! и несет такой крест... жить в доме Н. Н. вместе с А<нной> Ев<геньевной>...⁸³ Только ее такт и деликатность делают возможной эту жизнь. Но все же это признак пассивной жалости к Н. Н. и бессилия волевого. Ох, как ей трудно!

Вчера позвонила мне Люд<мила> Ник<олаевна> З<амятина>. Был чудный ранне-весенний день, яркое солнце, тихо, на солнце 10°, Евг<ений> Ив<анович> в Москве.⁸⁴ Пред этим 2 недели была она в М<оскве>, теперь он! У них неблагополучно внутри; снаружи же все, что надо, и деликатное обращение и сдержанность.

Но она дико несчастна, ревнует его ко всем, и в глазах у нее такая тревога, неуверенность и тоска, что жуть берет. У них нет спайки, нет тепла, они не принадлежат друг другу, т. е. она, д<олжно> б<ыть>, и рада бы принадлежать, но он... слишком ласково смотрит на всех женщин, слишком привлекает к нему эта ласковая его маска с зовущими глазами женскую человечью особь. А к ней он остыл, и, должно быть, отсюда и нервность, и частые разъезды, но деликатен и вежлив. А Бог их знает, что там у них наедине. Жутко.

И с творчеством у него не гладко. Пишет очень мало. Творческий запор. У него нет тем. Его последний роман [«Мы»]⁸⁵ <3 строки вымарано> обличительного типа вещь <4 строки вымарано> И это писать ему мешает. И не легко. Мы ходили с Л. Н. по солнечной стороне Каменноостровского. Много говорили. Что делать с А<нной> Анд<ревной>?!!

А когда я расставалась с З<амятиной>, меня поразили ее красные веки и отекшее лицо. Она много плакала в это утро. Бедняжка! Носить все в себе. Ни с кем не поделиться. Ведь никто не поможет. А я ведь тоже такая!!

18-е марта. День Парижской Коммуны.⁸⁶ Вечер. Пав<ел> Ел<исеевич> у себя в кабинете пишет статью о Ник<олае> П,⁸⁷ Павлуша в своей комнате тоже пишет доклад к завтрашнему выступлению в исследовательском институте, недавно основанном, во главе с Евг<ением> Викторовичем Тарле. Павлуша выбран секретарем.⁸⁸ В «Правде» ему предложили писать статьи об Италии, но, к сож<алению>, он не знает языка, следовало бы изучить. Ему это не трудно. В прошлое воскресенье он читал лекцию от общества марксистов в университете в актовом зале, переполненном слушателями, читал с большим успехом. «Кризис Англии». Пришел довольный, сказал мне, что ему доставляет огромное удовольствие говорить с эстрады, что он не волнуется, чувствует, когда нужно привлечь внимание, если оно начинает ослабевать у слушателя. Ир<ина> была с ним, слышала очень лестные отзывы. Серебряков⁸⁹ захватил его, назвав доклад превосходным, а молодого лектора и талантливым, и образованным.

Итак, мы втроем сидим мирно. А где же супруга? Она не может сидеть дома, ей скучно. Она отправилась в дом, где танцуют фокстрот. П. Е. называет этот дом притонным свиданий, и не без основания. И действительно хозяева приглашают только красивых и молодых женщин с кавалерами и берут 4 рубля за вечер с танцами. С дам не берут. Приглашаются и незнакомые, предлагают приводить с собой молодых женщин. Ир<ина> и Муся⁹⁰ бывали якобы в этом доме и раньше. Они вообще вращались в очень сомнительной среде, растленно повлиявшей на их вкусы, взгляды, поведение.

Это общество развратных мужчин, покупающих не дорого. Духи, цветы, шелковое белье — вот подарки, которыми осыпали сестер Тернавцевых их поклонники. Та сканье по кабакам выработало фривольное обращение с молодыми людьми, со всеми они на ты, со всеми целовались и больше. Меня интересует, что же думала их мать,⁹¹ как могла она спокойно принимать Лившица,⁹² Снопка,⁹³ Каплана⁹⁴ и проч. Как могла она не видеть шелкового белья, огромных флаконов духов Coti, какие выводы делала. Неужто она не понимала, что даром ничего не дарят, из-за одних прекрасных глаз, а на Мусеньке были и хорошенькие шелковые платья, и шелковые чулки, и у обеих сестер очень воспитанный вкус к дорогим вещам. Я никогда не забуду чувства ужаса, когда Ирина, переселяясь в наш дом и привезя *одну* простыню, показала мне какое-то необыкновенное шелковое белье с дорогим кружевом с шелковыми цветами и прибавила: «Это моя гордость!» Мне сделалось страшно. И эту девушку мой сын выбрал себе в жены. Разговоры были только о духах, пудре, шампанском, Европ<ейской> гостинице, кутежах. И все это с апломбом, пред которым я и П. Е. терялись. Конечно, год пребывания в нашем доме дал кое-какие положительные результаты, но очень слабые. И последние дни около месяца она опять совершенно отбилась от рук. Встает в час, пьет кофе, фыркает, если нет чего-нибудь мясного к завтраку, выпивает одну чашку, сейчас же одевается, намазывает губы и в поход, только ее и видели до часа ночи. Сидит дома только в дни, когда у нее менструации. Раньше она говорила, что бывает у Муси, но теперь Муся больна, у нее скарлатина, где же она бывает, с кем проводит время? Есть единственная подруга, Варя.⁹⁵ Также подозрительный тип. И Елена Висс<арионовна>⁹⁶ не раз высказывала жуткую мысль, что Варя сводница и у нее в квартире устраиваются свидания.

Варя — грубый тип, она живет с каким-то пожилым мужчиной, в прошлом году говорили: «она живет с одним»... в этом году говорят... «с мужем». Страшно накрашена, вообще низка <?>. И с ней Ир<ина> проводит целые дни, без передышки сплетничая и зубоскаля, в полном бездельи. Я начинаю приходить к заключению, что Па-

вел глуп или, верно, она его обводит вокруг пальца, он верит всему, что она говорит, а она лжет с удивительной легкостью и, когда у нее рыльце в пуху, говорит с ним таким льстивым голосом с такими интонациями, что он тает.

Мы с П. Е. молчим, но наблюдаем неустанно и утешительных выводов, к сожалению, не выводим. Вчера случайно я слышала ее разговор по телефону в таких интимных тонах, я догадалась, с кем она говорит, но никому не сказала, а вечером в час пришел П. Е. из театра Сатиры и рассказывал, что видел Ир<ину> со Снопковым и что она была страшно смущена, увидев его. Пришла домой через 40 м<инут> после П. Е. и начала так подлизываться к Павлу, что он растаял. П. Е. ему ничего не сказал. Жалко его тревожить, он так занят работой. Лукавая женщина, недаром в ней течет польская кровь. И откуда она свалилась на нашу голову, и за что мне послан этот крест. За Снопкова она собиралась замуж, так, по кр<айней> мере, она говорила, 2 раза, были куплены кольца, и оба раза дело расклеивалось, бранила его мать. Очевидно, она-то и была главной виновницей расхода, присмотревшись к нареченной. С ним она была близка. Это нам донесли тотчас по приезде из Эссен<туков>. Но тот же Снопков, не стесняясь меня, когда я была у Марьи Адамовны, тискал и целовал Мусю, невесту Малаховского,⁹⁷ очень это у них все просто. Но растленно. Точно у этих девушек не было матери, какие-то беспризорные.

И к матери отношение плохое, на словах мамочка — святая, а на деле мамочка ходит зимой в летнем пальто и без галош, и помыкают ей как половой тряпкой. Нужно быть справедливым, тяжелые года не могли не отразиться. Но внутреннее направление, духовное влияние, если бы оно было, должно было бы придать им иное содержание. Но ясно, что этого духовного влияния и не было, оттого и получились такие пустоцветы, бесталанные. А я, базируясь на отце, все еще надеялась на что-то, старалась освещать иным светом положительные многие поступки; молодость, тяжелое прошлое, недостатки, все образуется, но боюсь, что это не так, боюсь, что она слишком испорчена, отравлена, слишком подгнивший матерьял.

И еще я думаю, если бы она хоть как-нибудь показала свой интерес к чему-нибудь в области духа, проявила бы желание показать нам себя с хорошей стороны, мы бы иначе ценили ее, я так мечтала о дочери. Но этого нет и быть не может. Она держит себя вызывающе, уверенно, часто нагло. И нужно отдать справедливость, когда она молчит, ее внушительная фигура, надменный холодный взгляд вводят в обман, вам кажется, что за этой оболочкой кроется что-то интересное, не приятное, но такое, что занятно разгадать. Но стоит ей раскрыть рот, и сыпется такая пошлятина, поверхностность, детские мысли, беспомощная логика, и все это на отвратительном, провинциальном наречии. Всему можно было бы научить, но она ленива и ничего не хочет. На нас она плюет, что не раз высказывала: «Меня кормит мой муж!! Я живу у моего мужа! (А кормит-то П. Е.). А до остальных мне нет дела». Чем держит она Павла? Силой воли, она очень сильна. Эгоизмом. И ловкой игрой. Я все время слышу, как она говорит, никого не стесняясь: «Смотри, Павел, плохо будет!» Это когда Пав<ел> кутит без нее и придет поздно, причем она тоже веселится, в другом только месте. Ей можно, она королева, а Павел крепостной на оброке, должен сидеть деньги зарабатывать.

«Ты опять у Гурме⁹⁸ был (курники он любит), очень богат стал, нечего ходить, мог бы и сэкономить!!» Но теперь в ее обращении произошел перелом, после лекции, она поняла, что он представляет из себя ценность, и его статьи в «Правде»,⁹⁹ дающие деньги, и отзывы о нем, и теперь ему крышка, она его не выпустит. Вошется, лаской из него все можно сделать, и это она отлично учитывает. Удобно. Снопка для полов<ых> эмоций, Павел для содержания и не только, он ведь тоже и красивый и нежный, Снопка эффектнее и ловчее. Одно другому не мешает. Современно. Маленький мой, как ты влетел!

А если он счастлив?

А если я ригористка?

Нет, но какая-то чистоплотность должна же быть! Иначе — дно. Пошлость, хуже мещанства. Ну, довольно. Больше о ней я не скажу ни слова, плохого, если только не смогу написать хорошего.

Итак, ночь кончилась! П. Е. лег в шесть часов. Павлуша в 7. Писали всю ночь. П. Е. все же высказывает опасение за этот труд Павлуши, слишком мало времени, нужно дальше въедаться в материалы.¹⁰⁰ Но там в этом ученом собрании будут настоящие критики, и Тарле, и Кареев,¹⁰¹ и молодежь по специальности, выступать для Павла и интересно, и ответственно. Меня очень волнует по-хорошему это его выступление, лестно очень. Первым выступает Тарле. 2-м он. Цель общества совместно двигать науку.

Ну как же не записать.

Павел лег в 7, встал в 12 ½, следов<ательно>, он спал 5 ½ ч., волнуется. Я советую ему пред обедом поспать, — «нет, не смогу, у меня шок, но дол<жно> быть, когда вернусь, то завалюсь разом». Она тербит его, сегодня они получают деньги в «Правде», собираются, он торопит ее, и вдруг страшный крик истошный: «Молчать», — кричит Ирина, Павел тоже кричит: «Не ори», она ему в ответ: «Дурак, подумаешь, дурацкий доклад читать, событие, чтоб он провалился, этот доклад». Шум, у меня <полстроки вымарано> все застыло, — кухарка, ничего не понимающая, ничего не уважающая. Сейчас он заткнет ей глотку деньгами. Ее прорвало, но затем они помирились, конечно. Счастье еще, что он все это воспринимает не очень глубоко, как мне кажется. Бедняга, и в такой день, такое отношение от подруги жизни <две с половиной строки вымарано> П. Е. часто с тоской говорит: «На кого ни посмотрю вокруг, хуже нашей нет». Я никогда не думала, что у этого спокойного человека может быть чувство такого отращения и негодования, как у П. Е. к Ирине.

Естественно, конечно, что мы относимся к ней слишком чувствительно. Воспитывать сына 22 года, заботиться о развитии всех его духовных качеств, вырастить отличный экземпляр человеческой природы, любить его до самозабвения и видеть его попавшим в капкан такого заурядного, банального хищника не легко!! И сколько слез я пролила в прошлом году и какие муки пережила, и как болела ½ года. Знаю, что эта нелепая женитьба огняла у меня 10 лет жизни по крайней мере. Я разом состарилась. И еще любопытная черта. Стоит П. Е. пошутить с ней, попросить переписать какой-нибудь пустяк, она сейчас же принимает с ним тон самки, фривольный, тон «опытной» в обращении с мужчинами женщины, П. Е. еле переносит этот тон и негодует. Откуда у нее все это? Этот тон самого дурного качества? Как она его усвоила, если ей 21 г<од>. Но, однако, довольно, довольно! довольно! Себе дороже стоит.

Ну еще последнее. Часто Павел утром появлялся с совершенно изодранным лицом, это она его царапала, объяснив, что ногти — ее единственная защита. Это уж прямо из Лейкина,¹⁰² 80-е годы, юмористические рассказы для Сенной и Апраксина рынка, «Петербургский листок».¹⁰³ Товарищей его она терпеть не может, и когда они приходят, сейчас же настраивает лыжи из дому. «Ну уж твой Молок,¹⁰⁴ Розенберг,¹⁰⁵ я вовсе не желаю их видеть». Она вначале замышляла всю свою банду к нам перевести, Петя Снопко, Белуха,¹⁰⁶ Капланчик,¹⁰⁷ Лившиц. Но номер не прошел. Бывала Зинаида Фер.,¹⁰⁸ овца, кот<орой> Ир<ина> изрядно помыкала, но после сплетен у них произошел разрыв, и Зинаида Ф. <фраза не дописана>. Сначала Ир<ина> вызывающе говорила с ней по телефону и затем, когда З<инаида> ответила ей, что у нее достаточный материал против сест<ер> Т<ернавцевых>, Ир<ина> поджала хвост и пошла на попятный, оставя ее в покое. Зинаида же кое-что рассказала из ист<ории> Лившиц — Муся... но это уже нас не касается. Своего хватит. И [Муся все же лучше. Она жен]ственнее, мягче, [человечнее], у нее больше стыда, меньше наглости, из нее, мож<ет> быть, можно было бы сделать человека, и я думаю, Малаховскому это уместно. Впрочем, ручаться нельзя ни за что. Тоже яблочко с червинкой, из той же закваски. Но у нее ребенок,¹⁰⁹ и Малаховский с характером. Это поможет. И хорошо, если поможет, для ребенка. Я пишу все это и думаю: да неужто же эти женщины живут сейчас в наше время в советской России, где все работают, где все отягчены заботой если не о себе, то о близких, тревогой, где все стремятся приобрести знания во что бы то ни стало, ценой каких угодно лишений.

А по телефону всё те же звонки. П. Е. как укротитель со стаей тигров — кредитор. Говорит, что на этой неделе они его растерзают. Опять все то же нарастает: квартира, дрова и пр. и пр. А с шубой меня постигла неудача. Она не понравилась поку-

пательнице, и я боюсь, что... ее не удастся продать и позже. И правда она не первоклассная. Хорошо, если дадут руб<лей> 500–600.

Вчера вечером была с Ол<ьгой> Дм<итриевой> в Доме искусств.¹¹⁰ Она читала доклад о Павле Петровиче Чистякове.¹¹¹ Смело, сочно охарактеризовала его большую, ищущую, самобытную натуру, с бесконечной добротой, с тонким гениальным чутьем художника, как в отношении искусства, так и в отношении к окружающей жизни, природе, религии, людям. Петров-Водкин,¹¹² вспоминая свои встречи (их было не много) и рассказы окружающих, сказал, что в конце концов Чист<якову> не повезло, он был гениальным учителем, гениально все воспринимал и переживал, но его живопись никогда его не удовлетворяла, и он бросал целый ряд картин неоконченными. У него не было «документа» на великого художника, но человеком он был замечательным, необыкновенным, мудрым, бесконечно жалостливо относившимся ко всему заброшенному в проклятую тюрьму пыток, именуемую землей. Это мои слова, а он-то все принимал с любовью, с тончайшим чувством красок. И смерть понимал по-особенному, красиво и мудро. Умер 85<-ти> лет.

Но сын Чистякова,¹¹³ бывший на докладе, остался недоволен, и к О<льге> Дм<итриевне> не подошел, а когда она встретила с ним, поздоровался и не сказал ни слова. О. Д. взволнована и раздражена. Трудная это штука, д<олжно> б<ыть>, при близких, которые любовно отлили один облик в своем сердце, делать опыт характеристики с иным подходом в ином освещении. Во вторник она уезжает в Париж на 6 месяцев.¹¹⁴ Счастливая. Денег у нее много, относительно, конечно, но взять с собой можно только 150 — не знаю, дол<ларов> или рублей.

Ну и что я все это записываю, и зачем мне все это вспоминать, глупая баба, душа болит, как зверь, а я стараюсь развлекаться.

1929 год (27 и 28 г<оды> записаны в тетради другой, большой синей).

В понед<ельник> был юбилей Бентовина.¹¹⁵ После чествования ужинали, нас усадили всех вместе, рядом со мной сидел П. С. Сухотин,¹¹⁶ приехавший из Москвы, за ним Никитин, с другой стороны Толстой, Федин, П. Е. Отличный ужин, речи, все организовано весело, Валентинов¹¹⁷ острил, читали стихи, посвящ<енные> Бентовину. Старик умный, с достоинством отвечал. Словом, все хорошо. Но Сухотин уже угостился у Никитина и начал говорить нечто не подобающее. «Я <нрзб. 2 слова>». И страшно пил. «Вы мной не пренебрегайте!» Вот потеха! Когда начались танцы, ко мне подошел Юр<ий> Ал<ександрович>,¹¹⁸ настроение было повышенное, я предложила ему ответить на 2 вопроса, он подхватил меня под руку: «Я сам должен вам все рассказать», — мы уединились в пустую комнату. «Как вы живете? Где Шура?»¹¹⁹

«Шура играет в театре Грановской,¹²⁰ живет на В<асильевском> О<строве>. С этим закончено. Семейная жизнь? Л. В. замечательный человек,¹²¹ но, может быть, лучше бы ей жить отдельно, все равно детям¹²² жить в Ленинграде нельзя, врачи настаивают на их переселении хотя бы в Детское, но все равно выхода не было, в Париж денег больше посылать нельзя было».¹²³

«Ну, а вы?» — «Я влюблен до потери сознания! Она певица, некрасивая, чудные глаза и рот и так понимает меня и так волнуется моим творчеством. И я ее еще не поцеловал. И она говорит: „Не надо, это придет, а сейчас не надо“. Когда сегодня она чуть не попала под извозчика, я схватил ее и держал почти в объятиях, она стояла прижавшись. „Ну пойдете“. — „Нет, нет“, — сказала она. — „Какое счастье, что попался этот извозчик, и я могу так близко быть подле вас“. Сегодня она мне сказала, что любит меня. Вы понимаете меня?» — спросил Шап<орин>. — «Понимаю», <полторы строки вымараны>. «Я никогда так не работал, сегодня кончил симфонию, над которой бился 2 месяца, и это лучшее, что я написал.¹²⁴ <Полторы строки вымараны.> Это апофеоз страдающей интеллигенции. Нельзя, чтобы это прошло бесследно. И я это сделал. Вообще, я не знаю, что со мной делается, я не могу спокойно видеть женщин. Сейчас танцевал с Нат<алией> Вас<ильевной>,¹²⁵ она попросила меня держаться подальше». Говорит, а глаза у него смеются. «Ну тогда пойдете танцевать со мной?» — «А почему вы знаете, что с вами я буду спокоен». «О глупый», — сказала я

и засмеялась. — «Но вы [понимаете] меня». — «Ну, конечно, понимаю, творчеству нужно горение, огонь, вдохновение, пол — это всё, или почти всё». — «Вот, конечно, ну как я вас люблю, за то что вы всё понимаете».

Подле совершенно уже пьяного Елисеича сидела очень хорошенькая и оборотистая эстр<адная> певица, говорила ему какие-то пустяки. «Мне нужно поговорить с П. Е.», — подошел Толстой, она к нему: «Скажите, что важнее, — внешность или голос». — «И то и другое. Одни говорят — внешность, другие — голос». Пела она басом бездушно цыганские романсы. Певица никакая, но, м<ожет> б<ыть>, личиком кое-какую карьеру сделает.

Собиралась домой. Вдруг откуда-то выплыл Давид Семеныч Б<лок>, ¹²⁶ нуво-риш, и объявил, что мы все едем к нему в Евр<опейскую> гос<тиницу>. Я протестовала, ссылаясь на усталость. Но пришлось ехать. Уселись с Шапориным на извозчика. «Вы знаете, я чувствую страшный подъем сил, жаль, что поздно начал писать. Ведь, когда я держал экзамен в консер<ваторию>, меня забраковали по музыке». ¹²⁷ — «А как же у вас обнаружился ваш талант?» — «Ну, да это замечательно. Летом на юге в <слово пропущено> был концерт, приехал Глазунов, должны были исполнять его романсы, Стравинского и мой последний номером. Я был влюблен в М. Н. Волконскую и написал ей этот романс. ¹²⁸ Успех был колоссальный, бисировали. А на другой день я получил от Глазунова его портрет с надписью: таланту с большим будущим. Я, как вежливый человек, пошел его поблагодарить. „Постойте, ваша фамилия Шапорин? Вы не держали в консер<ватории> экзамен?“. — „Да, и провалился“. — „Вы должны поступить, должны учиться. Я это устрою“. Но мне было это трудно. Я кончал универ<ситет> (2-й факультет, зачем!?) (но это важно для общей культуры, вы правы!) ¹²⁹ и больше рассчитывать на помощь родных уже не мог, еще учиться... без субсидии. Глазунов подумал немного и сказал: „Я вам это устрою“. Он дал мне письмо к Т<ерещенко>. ¹³⁰ Я поехал к нему. Т<ерещенко> был покровитель молодых талантов, он издавал журнал <слово вымарано>, приносящий убыток, специально для поддержки писателей и художников. ¹³¹ На его средства было издано полное собрание сочинений Федора Сологуба, Ремизова. ¹³² Помещались стихи всех молодых поэтов, рисунки художников, ¹³³ это был настоящий меценат в лучшем смысле слова. После обычных фраз он спросил меня: „Сто р<ублей> в месяц вам будет довольно?“ Ну, вы понимаете... по тем временам, это развывало мне руки. А 2 раза в год я приезжал к нему с визитом, помню, на Пасху, он мне и говорит: „Вам надо отдохнуть, поезжайте за границу. Содержание вам будет сохранено и еще вы получите 500 р.“ Ну это уж было чересчур, я отказался. „Тогда поезжайте на юг“».

«Это был просвещеннейший и добрейшей души человек. Еще — когда я, очарованный стихами А. Блока, решил писать музыку „На поле Куликовом“, ¹³⁴ я просто пошел к нему, для моего замысла мне не хватало одного стихотворения. Пришел, Ал<ександр> Ал<ександрович> очень приветливо и мягко встретил меня и очень серьезно отнесся к моей просьбе. „Хорошо, я напишу вам стихи“. И написал! ¹³⁵

Приехали в Европейскую. 4 часа утра. Тихо, полумрак в коридоре, сонный лакей. Номер небольшой. Тотчас было принесено шампанское, апельсины, коньяк.

Елисеич заснул сначала в кресле, разбудить его не было сил. Пьяный Сухотин, но очень остроумный, начал забавлять публику рассказами. Восхищался талантом Тол<стого>. «Он не пером пишет, а.... и каждый писатель так пишет, только.... и можно писать „вечным“ пером». Смирнов-Сок<ольский>, эстрадный актер, ¹³⁶ тоже хвалил Толст<ого>. «Главное не то, как он пишет, а то, что он всё знает». Замечательно. И Алеша лепетал: «Да, я все знаю, ух, чего я только не знаю». Сокол<ьский>: «Я ведь в этой каше сам был, сам все пережил, всю „махновщину“. А он все знает, я никогда книг не покупаю, а „Хожд<ение> по мукам“ купил». ¹³⁷

А знания-то все Алеша получил у Павлуши. Павлуша давал ему книги, корректировал, исправлял, направлял идеологию, ¹³⁸ правда, А. Н. ездил в степи на места, на Кубань, и это все блестяще описано, картины внешние, путь внешний гражд<анской> войны. И книга имеет успех, но все-таки она не вытанцевалась и внутренне идеологически бессильна.

Начали будить Елисеича, он встал и лег на пол, дали ему подушку.

Нат<алья> Вас<ильевна> очень устала и, склонившись на стул своей милой головкой, старалась не слушать похабных рассказов Сухотина.

Давид Сем<енович> Б<лок> приставал ко мне: «Вы обидели меня, В. А., как же вы могли сказать, что я спаиваю П. Е. „Краков умер, появился Давид Блок“. Ах, как вы меня обидели. Я могу пить, но могу и не пить месяцами». — «Что-то незаметно». — «Какого вы обо мне плохого мнения». Я старалась его успокоить. «Вы не знаете, в каком я сейчас настроении, я, мож<ет> быть, доживаю последние дни. Я решил застрелиться». — «Почему?» — «Я гордый жид. Не могу больше жить в таких условиях». В 8 час<ов> утра разошлись. Толстые поехали в Детское,¹³⁹ мы — домой.

Между прочим, Никитин был необычайно скромен и тих. Как он изменился, его не узнать, совсем культурным человеком сделался, и это, видимо, влияние его второй жены Рене Ароновны.¹⁴⁰ Как он метался, когда Зоя уходила от него, как плакал. Но виноват во всем был сам. «Вчера у меня утром был сын Вовка,¹⁴¹ я еще спал, пришел только под утро, и вдруг чувствую — меня будят, и вижу рожицу Вовки, я, как добродетельный папаша, сейчас вылез и начал бегать пред ним на четвереньках, он испугался и закричал „боюсь“. Он часто приходит ко мне, занятый, на днях мы с ним снимались вдвоем».

Но писать он не может, нет подъема, и пишет очень мало.

Все-таки из всех вечеров у Толст<ых> самый приятный был тот, когда Алеша читал своего «Петра».¹⁴² Приглашали не всех поголовно, как трунят над Толстым: он идет по левой стороне Невского и кричит: «Приглашаю всю правую сторону к себе на воскресенье». Собралась литератур<ная> братия, Замятин, Шишков,¹⁴³ Никитин. П. Н. Медведев — «это тот, который завладел Любовью Дим<итриевной> и архивом Александра Блока, тот, который не давал печатать дневников Блока без своей книги, пришлось бросить ему эту кость, — сказал Федин, — ничего не поделаешь».¹⁴⁴ Круглое лицо, сладкая улыбочка, вкрадчивый голос. Молчалин возродился, Молчалин стал честолюбив, Молчалин пробился в люди. Был милый Федин, совесть наших дней. Никитин. Устиновы,¹⁴⁵ Радловы¹⁴⁶ и пр. Читал А. Н., как всегда, прекрасно. Первые 2 акта слушали, затаив дыхание, а дальше, несмотря на превосходный язык, блестящий диалог, пошло на убыль, затрепанная трактовка по трафарету. Ужасно жаль. Без ½ 11 гостей выгоняют, чтоб не опоздали на поезд, все гурьбой выбирают, торопясь. Мы с Елис<еичем> всегда едем, остальные идут пешком. Занимаем целый вагон, шуткам нет конца. Вносится предложение подать просьбу в Совнарком от гостей Толстых о прибавке поезда по воскресеньям в 1 час ночи. Досадно уходить в 10 ½, только настроишься. В 12 ½ мы дома. На столе шумит самовар. Милая Шура, оплот нашего дома, уж всегда позаботится. Ел<ена> Вис<сарионовна>¹⁴⁷ дремлет в уголку на диване, Павел II требует пищи. После чая я иду в свою комнату, пишу дневник, пришло настроение, П. Е. с Е. В. играют в дурака, он проиграл 60 мандаринов, но надеется отыграть.

А где же Ирина! На Ждановке 3, к<вартира> 24.¹⁴⁸ Она обставляет комнату стар<ыми> вещами и новыми поклонниками, собирая с них посильный мед.

И опять Ольга Дмитр<иевна> и 2 дня с нею в Детском. Такой отдых для души. Чудное снежное утро. Все Детское под тяжелым снежным покрывалом.

Я приехала днем. Она весело и радушно меня встретила. Назвала «грачиха» за мое серое с черным платье.

«У меня каждое утро прилетают под окна 6 щеглов, а сегодня не прилетели, потому что прилетела грачиха и распугала их». Потом она прочла мне пьесу.¹⁴⁹ Талантливо, интересно задумано и очень сценично. Конечно, я ей сказала о<б> этом. Она засмеялась: «Вот, говорят, когда женщина переходит в последнюю стадию возраста, она лишается гормонов, а уж сами понимаете, раз гормонов нет — конец, а я опровергаю целиком эту теорию, из меня прет». Димка¹⁵⁰ смеется: «Ты, мамаша, без гормонов; что поделаешь!» И еще я прибавила: «Пьеса нужная и важная для масс, культурно-просветительная». — «Да, да, вот это и есть моя цель, я хочу *им* послужить, чтоб

мозги их расшевелить, именно для культуры поработать, и я чувствую, что из меня выйдет драматург».

Во время обеда пришли Замятин и Петров-Водкин. Союз писат<елей> выдвигает О. Д. в совет, вот они ее и уговаривают.¹⁵¹ Пет<ров->Вод<кин> звал к себе пить чай, а потом идти к Разумнику Иванову.¹⁵²

Уже стемнело, когда мы выбрались на воздух, пошли в парк. Снег по колени, огромные ели раскинули лапы, точно в объятия тебя хотят схватить. Мы плутали и заблудились. Над деревьями меж облаков показалась туманная луна. Дух захватывало, так было хорошо. «Вы посмотрите, ведь это же баллада.... и по этим аллеям под этой луной бродил Пушкин», — «Жуковский», — подумала я. Ходили часа 2, забрели в церковь Елизаветинскую подле Лицея, никого не было, горели лампы, и было тихо, особой тишиной. Решили зайти к П<етрову->В<одкину> тут же в циркуле.¹⁵³ Только у него ход ужасный, сто котов, на каждом повороте черные, серые коты с горящими глазами. «Вот из-за этих котов мне сюда идти не хочется», — смеется О. Д. У Водкина жена французенка, очень милая, и девочка 7 лет.¹⁵⁴ Они ждали ее 17 л<ет>, и жена чуть не погибла во время родов.¹⁵⁵ П<етров->В<одкин> показывал замечательные 2 картины. Он писал их со страшной верой во время родов, когда не было надежды почти, и ребенок тоже мог умереть. Эта картина — икона Богоматерь, сонм неродившихся душ и рядом душа, воплощенная уже в тело ребенка, на которую взирает Богоматерь с умилением и мольбой.¹⁵⁶ Потрясающей силы вещь. И еще ряд портретов и эскизов, кот<орые> произвели на меня сильное впечатление, и я поняла и оценила впервые, какой это большой мастер. Девочка — их утешение, конечно, ее обожают и балуют, но отец старается все же быть строгим. Девочка милая, мы пошли смотреть картины, она еще не спала, я простилась с ней, и она требовала, чтобы я непременно завтра опять пришла к ней в гости. Сердечно поговорила с женой П<етрова->В<одкина>, у нее до сих пор болят ноги, от родов, и приходится их мазать особым составом и бинтовать, иначе она ходить не может. Она красивая, статная женщина. От них мы опять зашли в ту же церковку, кончалась служба, священник в какой-то изумительной голубой митре и голубой купол алтаря.

Почему существует зло на земле? Почему оно так сильно?

Говорили о многом. О З<амятин>ой. Ее никто не любит. Она несчастна. И почему так держится за Е<вгения>. Женщина должна быть самостоятельна. Ну как можно было бросать для Ев<гения> свою специальность. Быть врачом и бросить, променять на горькую участь нелюбимой жены писателя. И Ахм<атова> не ладная. Она все заботится о своей биографии, живет не полной жизнью. Ан<ну> Анд<реевну> я защищала. Так сложилась жизнь, нужно учитывать характер. Жизнь ее полна по-своему. «А сын? Как могла она бросить его.¹⁵⁷ Он подросток, теперь так важно ее влияние, почему же она ничего не делает для него, ничем не жертвует?» Что я могла ответить ей на это. Я не знаю.... я ничего не знаю.

На другой день утром мы опять бродили, зашли в ц<ерковь>, слушали изумительную службу <?> и пение. Днем я пошла к Толстым, с ними в парк. Они на лыжах, на санях, там же Е. И.¹⁵⁸ на лыжах. Хорошо. Вечером был обед, дикая сутолока, шум и гам невообразимые. Митя¹⁵⁹ голову потерял. Его чествовали, ему пели, за него пили. Он пришел в комнату, где сидел П. Е. с Медведевым, и ухарски сказал: «Я сейчас разобью вам морды», — на что П. Е. ответил: «А лучше мы тебе морду разобьем». Он страшно обиделся и тихо вышел.

3 дня у нас обедал П. С. Сухотин. Пьянство, пьянство и пьянство. Тоска и скука смертная.

Сухотин — типичный москвич, балагур, пьяница, похабник, но образованный, много переживший, много видевший человек. Он отлично знает древнецерковную живопись.¹⁶⁰ Говорил о необычайной древности нашей культуры в живописи, богомазы знали тайны итальянских красок, Дионисий¹⁶¹ ездил в Италию. Но без вина он выжатый лимон, а пить он может уйму.

П. Е. уехал в Москву, опять по делам Союза.¹⁶² Последнее мудрое решение Л<уначарского> закрыть оба общества и на развалинах их возродить единое.¹⁶³ Я понимаю

доводы их <?>. Там у них дефицит в 200 000, воровство, бесхозяйственность. А Ленинградский Союз стоит прочно, кормит массу народа, порядок образцовый. Руководители — строгие и твердые люди.¹⁶⁴ И когда эта канитель кончится. Сидит там 2-ю неделю. Устроил свои дела, подписал договор на «Лицейский период жизни Пушкина».¹⁶⁵ Доходят слухи, что кутит страшно. Видимо, получил деньги. «О жизнь без завтрашнего дня!»¹⁶⁶ Вот человек, который живет только сегодняшним днем! Умри он сегодня, мне придется через месяц стоять на углу с протянутой рукой, ибо, кроме долгов, он ничего не оставит, а жалкие вещи заберет Иринина Валентина или вернее прикажет?

<Лист с текстом вырван.>

<2 строки вымараны.>

Страшно с отчаянием плакала сегодня весь день. Ушла из дома, бродила по улицам, тяжело было возвращаться домой.

3-е февр. 1929 год.

Утром П. Е. прислал деньги. Вызвала Ольгу Дмитриевну по телефону и повезла ее на острова, ездили часа 3. Всё убеждала меня озаботиться приобретением угла под старость. «На пищу как-нибудь добудете. Главное, чтобы был угол, ибо на сына рассчитывать нечего, он подневольный, а смотреть из рук невестки (да еще такой) — это самое страшное». Но я с грустью (хотя и соглашаясь с ней) должна была сознаться, что на какие-либо сбережения мне рассчитывать нельзя. П. Е. все разметет, ни для кого не слово выскоблено всех 3 строки вымараны. Все уходит на прихлебателей и на чрево. Ведь он зарабатывает порядочные деньги, а я их никогда не вижу, но стоит появиться какому-нибудь пьянице из Москвы, вдруг появляются деньги, закуски, вина, шампанское. Ужасно. Вот итог всей жизни. И когда я ему высказала это в последний раз, он очень удивился, он, оказывается, так привык к моей скромности, к тому, что я (из гордости) молчу, что даже и не замечает, что я не имею для себя лично, для своих нужд ни одной копейки.

Вечером была у Замятиных. Очень хорошо.

Евгению Ивановичу принесли 8 пирогов. Л. Н. в панике: куда мне их девать. Евгений Иванович читал свои сказки замечательные, написанные в 18 году.¹⁶⁷ В 12 пришел композитор Дешевов,¹⁶⁸ много играл, очень талантлив. Был и Юрий,¹⁶⁹ подавлен; с этой любовью ему на плечи навалилось новое бремя. Он слишком добрый и нежный человек и глубже чувствует, чем следует в наше железное время. О. Д. задумала новую пьесу в музыкальном оформлении.¹⁷⁰ Я очень хотела, чтобы Юрий Александровичу она поручила музыку. Но у нее дружба с Дешевым. И Юрий был вял на вечере, играть не хотел, после долгих упрасиваний играл без настроения. Игра Дешевой ей больше нравится, и дело Юрия проиграно. А у меня такое впечатление, что Дешевов под влиянием Шапорина, Шипорина шире, а Дешевов острее. Может быть, я и ошибаюсь, по одному разу судить нельзя.

Толстые страшно лютят О. Д. Ей кажется, что они очень простодушные, не дорожат биографией, что все детское завидуют Толстому, потому и шипят. Разоблачать Толстых я не буду, она их совсем не знает, но пламень лести столь привлек, что ей трудно устоять. Толстые!! вероломные люди, поклонники успеха, никого не любящие и всё делающие с расчетом. О. Д. пошла по советскому пути, ее заручка всегда важна, ее выбирают в Совет. Для Толстых это не шутка. Наталья Васильевна очень умная и практичная женщина, она не живет, она делает жизнь, она любит славу, комфорт, популярность. Они богаты, богаче всех писателей. И Толстой ничего не пренебрежет, лишь бы деньги. Сколько судов, сколько чужих пьес под своим именем, но раз деньги — всё не беда. И этот гонор, нет, нет, да и попомнит она о графском происхождении, об этом говорится детям, она изучила геральдику, знает всех предков, все линии, но, конечно, не знает самой простой вещи (иначе как могла бы она волноваться графским происхождением).

Толстой не Толстой, а Бостром, помещик, тоже дворянин. С ним мать Толстого ушла от своего мужа графа Толстого и у него осталась жить и у него родила Алексея.¹⁷¹

Об этом очень много писалось в свое время, об этом знают все. Братья Ал<ексея> графы — протестовали, что он носит их фамилию, почему-то им не все равно это было.¹⁷² Но развода его мать не получила.¹⁷³ П. Е. в 23 году нашел в архиве замечательное письмо 1-го мужа матери Ал<ексея> Ник<олаевича>, вернее, прошение на имя государя с просьбой водворить обратно его жену гр<афиню> Толстую мужу, ибо она сумасшедшая и ушла беременная к помещику Бострому.

П. Е. благородно передал это письмо А<лексею> Н<иколаевичу>. И он, конечно, его уничтожил. А между тем какой это истор<ический> документ. И какой свиньей оказался Т<олстой>, когда над нами разразилась гроза с «Былым».¹⁷⁴ Т<олстые> тотчас отвернулись, перестали приглашать, они не любят неблагополучия. А теперь, когда П. Е. выплыл, опять уверения в любви и лесть. «2 недели тому назад мы решили, что папаша замечательный человек, необыкновенный, мы страшно его любим». Еще бы, «папаша» оказался в силе.

А с Белкиными какая грубая, недостойная история.¹⁷⁵ Когда Белкины нуждались, что приходилось слышать: «Ах эти Б<елкины>, опять их надо звать, ну, уж пойдешь, Ника,¹⁷⁶ позови». Раздражение росло и вылилось в отвратительную жестокую историю на концерте В<еры> А<лександровны>, когда перед ее выходом на эстраду Н<аталья> В<асильевна> ее бранила мешанкой, кричала, что она рада наконец поровать с ними окончат<ельно>. Мы застали Верочку в слезах и почти истерике, рядом с нею плакала ее ученица. Концерт был испорчен, нервность сообщилась ученикам, и они ввали все поголовно, а экс-графиня удалилась в Детское. Нет, Т<олстые> не добрые люди, и в них много мешанства. Они не ценят высокого звания «писателя», не дорожат людьми духа, они очень рядовые дворяне. А историю его наст<оящего> отца и матери знает вся Самарская губ<ерния>. <Полторы строки вымараны.>

Приехал П. Е. Дела его блестяще устроены, он будет [очень] много получать денег. <10 строк вымараны.> Но, как я и думала, присланные деньги выбираются постепенно, и скоро от них не останется ни копейки. В Москве ведет жизнь щедрого мещанина, устраивает приемы, угощения, и пусть, это его право, но вот что главное, в его пирах (эти пиры, когда у человека 260° сахара в крови), что совершенно сводит меня с ума, и когда он никак не реагирует, ибо все, что заставляет меня мучиться, не трогает его <6 строк вымараны>. Но когда прихотилась беда, — мамаша, пожалуйста, несите все тяготы. Сейчас кончил статью в «Огонек»,¹⁷⁷ пришел милый и говорит, смеясь: «Вот я в 2 часа заработал 200 р.» Я робко промолвила: «Дай мне из них 50 р.» — «У меня вперед все забрано».

Ну а если серьезная болезнь, длительная, тогда что? Услышала беспечнейший ответ: «Не знаю».

Что зарабатываю, то проживаю. Ну, вот как же не задуматься? Как не утвердиться окончательно в мысли, что я ничего решительно для него не значу, пустое место, пока жив, тебя кормят, как Е<лену> В<иссарионовну> (как Зинаиду¹⁷⁸), а в сущности ни заботы, ни внимания. <Три с половиной строки вымараны> умри я сегодня, через неделю обо мне не вспомнят. Пустое место. Итог жизни. Недурно..... А не все ли равно?.....

Тление нигилизма.

А П. Е. нигилист, и часто ум его бывает жесток, он слаб и мягок в общечитии, но без зерна подлинной доброты. Нигилист. И это очень страшно.

3 дня тому назад во вторник 5-го ф<евраля> я была у Шапориных. Стоят лютые морозы. Выше 20°. Я околела в пустом трамвае. Прихожу, у них не теплее. Жизнь не налаженная. Начать с того, что двери на парад<ной> не забиты фанерой на месте выбитых стекол, а другие (наверху тоже выбито стекло) заклеены уже оторвавшейся газетой, дверей в столовую нет, д<олжно> б<ыть>, сожжены в свое время, и с лестницы по всей квартире несет ветер голубой. Не уютно, не устроено. Больные дети. Не подающая вида, но с каждым днем худеющая Л<юбовь> В<асильевна>, неустанно хлопочущая о заработке, энергичная (по-моему), замечательная женщина. Зачем он перевез их сюда, если не может справиться с собой, если жертва для детей, то надо приносить ее обоим.

Она рисует платья,¹⁷⁹ ходит в Кукольный театр,¹⁸⁰ пишет сценарий; дала Толстому для имени и порчи, как это полагается, переведенную ею пьесу Пиранделло.¹⁸¹ Но это все пока ничего не дает или дает гроши. У нее много литографий Орловского,¹⁸² но в очень плохом виде, все, что осталось от отца,¹⁸³ все, что когда-то, начинающей художницей, она успела вывезти. Мы хорошо побеседовали, подошла Кругликова,¹⁸⁴ но замерзли, и когда пришел Юр<ий> (его неж<иданно> вызвали в театр,¹⁸⁵ его помощник захворал), пора было уходить. Юр<ий> с недовольным лицом потребовал самовар. Л. В. не шевельнулась. «Да дайте же ему чаю», — сказала Верочка.¹⁸⁶ «Нет, ничего, горячий». Но, налив, раздраженно заметил: «Нет, такой чай пить нельзя». Юр<ий> очень напомнил мне Павлушу своими интонациями. Надо затопить камин, сейчас придет Богданов-Березов<ский>.¹⁸⁷ Но мы уже прощались. 23°, я 45 минут ждала 21 ном<ера>,¹⁸⁸ не дождалась, села в 13<-й>. И в результате на другой день вечером — 38,5°, вчера 39°, сегодня 37,8°, к сожалению, кажется, опять поправляюсь.

Все-таки до чего милый человек Федин, есть в нем какая-то закваска благородной писательской души старого закала. Выглядит он зловеще, но глаза сияют задором. 3-го февраля Радлова¹⁸⁹ сидела против него, но Дора¹⁹⁰ тоже, и при Доре у Радловой совсем другой тон с ним. «Знаешь, Костя, я нашла твои глаза, сколько раз мне хотелось уничтожить портрет, но один мазок, и тайна найдена». А Дора и не чувствует опасность.

Накануне был вечер 10-летия Серапионовых Братьев.¹⁹¹ Замятин прочел нам экспромтом, написан < > <Последующий текст утрачен.>

¹ Цитаты из стихотворных циклов (1909) «Венеция» («3. Слабее жизни гул упорный...») и «Флоренция» («5. Окна ложные на небе черном...») (Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. С. 72, 74).

² Чеботаревская Татьяна Николаевна (1876–1968) — старшая сестра Анастасии Николаевны Чеботаревской, жены Ф. Сологуба; врач, постоянно жила в Москве.

³ Федор Сологуб (наст. имя Федор Кузьмич Тетерников; 1863–1927) лето 1923 года проводил в Детском Селе (жил по адресу: Церковная ул., 28). Судейкина Ольга Афанасьевна (урожд. Глебова; 1885–1945) — актриса, художница; эмигрировала в 1924 году. Об ее дружеских отношениях с Сологубом см.: *Мок-Бикер Э.* «Коломба десятих годов...» Книга об Ольге Глебовой-Судейкиной. Париж; СПб., 1993. С. 80–85; Два письма О. А. Глебовой-Судейкиной к Ф. К. Сологубу / Публ. и прим. И. Кравцовой // Новое литературное обозрение. 1994. № 7. С. 220–224. Сохранились шуточные экспромты Сологуба к Глебовой-Судейкиной (РГАЛИ. Ф. 482. Оп. 1. Ед. хр. 410). См. подборку материалов о ней в разделе «Судейкина»: *Ахматова А.* Поэма без героя / Вступ. статья Р. Д. Тименчика; сост. и прим. Р. Д. Тименчика при участии В. Я. Мордерера. М., 1989. С. 212–226.

⁴ Феодоровский Государев собор (собор Феодоровской иконы Божьей Матери) в Царском (Детском) Селе, построен по поручению Николая II в 1909–1912 годах (архитектор В. А. Покровский). Его нижний придел — преподобного Серафима Саровского.

⁵ Анна Ахматова и ее мать Инна Эразмовна Горенко (урожд. Стогова; 1856–1930).

⁶ Форш Тамара Борисовна (в замужестве Меншуткина; 1898–1979) — дочь О. Д. Форш; ботаник, гидрохимик.

⁷ Михаил Алексеевич Кузмин (1872–1936) и его близкий друг Юрий (Иосиф) Иванович Юркун (Юркунас; 1895–1938), прозаик.

⁸ По всей вероятности, имеется в виду трубач, профессор консерватории Александр Николаевич Шмидт (1889–1955); ср. дневниковую запись М. А. Кузмина от 16 июля 1923 года о визите к Глебовой-Судейкиной: «Были музыканты Фехтер <В. Э. Фехнер. — А. Л.> и Шмидт, кажется, любовь О<льги> Аф<анасьевны>. Играли много. Делали крешон. С Юр. ласковы. Ахматова не мешала и с гримасой, но клокнула <...> было очень, очень мило» (РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 61; указано Н. А. Богомоловым).

⁹ «Дон Жуан» — опера Вольфганга Амадея Моцарта (1787; либретто Лоренцо да Понте).

¹⁰ Ахматова.

¹¹ Подразумеваются близкие отношения Ахматовой и Н. Н. Пунина, завязавшиеся в сентябре 1922 года.

¹² Имеется в виду Борис Васильевич фон Анреп (1883–1969), поэт, художник-мозаичист, в 1910-е годы сотрудник журнала «Аполлон»; адресат многих стихотворений Ахматовой, часто встречавшейся с ним в период его службы в армии в 1915–1916 годах. По свидетельству А. Г. Наймана, «он сделался для Ахматовой чем-то вроде amor de lonh, трубадурской „дальней любви“».

вечно желанной и никогда не достижимой. К нему обращено больше, чем к кому-либо другому, ее стихов, как до, так и после их разлуки» (*Найман А.* Рассказы об Анне Ахматовой. М., 1989. С. 86). См. мемуарный очерк Бориса Анрепа о встречах с Ахматовой «О черном кольце» с предваряющей его статьей Г. П. Струве «Анна Ахматова и Борис Анреп» и его же «Дополнительным комментарием» к нему (*Ахматова А.* Соч.: В 3 т. / Общ. ред. Г. П. Струве, Н. А. Струве, Б. А. Филиппова. Paris, 1983. Т. 3. С. 428–465; переизд. очерка в сокращении см.: Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В. Я. Виленкин и В. А. Черных. М., 1991. С. 83–90), а также раздел о Б. В. Анрепе и А. А. Ахматовой: *Казнина О. А.* Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М., 1997. С. 226–240; см. также: Из ахматовских материалов в архиве Гуверовского института / Публ. Л. Флейшмана // Ахматовский сборник. 1 / Сост. С. Дедюлин и Г. Суперфин. Париж, 1989. С. 165–193. Впервые побывавший в Англии в 1899 году и учившийся там в течение нескольких лет в частных школах, Анреп окончательно уехал в Лондон в сентябре 1917 года. К этому времени он был женат на Юнии Павловне Хитрово (с 1908 года) и параллельно (с 1911 года) вел семейную жизнь с Элен Мейтленд, с которой официально зарегистрировал брак весной 1918 года; во время пребывания в Англии (с 1916 года) завязал также романтические отношения с Оттолин Моррелл и Марией Нис, ставшей впоследствии женой Олдоса Хаксли. Спутницей Анрепа и его возлюбленной стала в ходе последнего путешествия в Англию Мария Волкова, сестра жены его брата Глеба, направлявшаяся в Лондон для работы в Русском правительственном комитете (см.: *Казнина О. А.* Русские в Англии. С. 227–232, 236; *Фарджен А.* Приключения русского художника. <СПб.>, 2003. С. 116–120). Кто именно в данном случае фигурирует в записи Щеголевой, сказать трудно; возможно, что в восприятии Ахматовой сложился некий собирательный образ «жены».

¹³ Бронзовый памятник А. С. Пушкину в царскоевском Лицейском садике (скульптура Р. Р. Баха), заложенный в день столетней годовщины рождения поэта и открытый 15 октября 1900 года. На трех сторонах гранитного пьедестала памятника высечены пушкинские строки, выбранные И. Ф. Анненским (тогда — директором Николаевской царскоевской гимназии). См.: А. С. Пушкин в изобразительном искусстве. Л., 1937. С. 168–169.

¹⁴ Ильин день (громоносный) — 20 июля ст. ст.

¹⁵ П. Е. Щеголев и П. П. Щеголев.

¹⁶ Иорданский Николай Иванович (псевдоним — Н. Негорев; 1876–1928) — журналист, публицист, общественный деятель, редактор журнала «Современный мир» в 1909–1917 годах, член РСДРП. В 1923 году был направлен в Италию дипломатическим представителем СССР, согласно правительственному постановлению от 16 июля 1923 года (см.: Известия. 1923. 17 июля. № 158. С. 1); отбыл из Москвы в Рим 24 июля (см.: Беседа с тов. Н. И. Иорданским // Там же. 24 июля. № 164. С. 1).

¹⁷ Фабрика «Севзапкино» в 1922–1925 годах в Петрограде (Невский пр., 80) входила в систему Петроградского кинопроизводства. В 1924 году Щеголев заключил договоры с «Севзапкино» на написание сценариев «Мирович» и «Княжна Тараканова», в 1925 году предложил новые темы: «Любовь самодержца», «Падение династии», «Жизнь и смерть Пушкина» (см.: *Емельянов Ю. Н.* П. Е. Щеголев — историк русского революционного движения. С. 62). Упомянутые замыслы остались нереализованными.

¹⁸ «Дворец и крепость» (1924) — историко-революционный фильм (режиссер А. В. Ивановский), поставленный по сценарию П. Е. Щеголева на основе его повести «Таинственный узник: Глава из книги об Алексеевском равелине» (Былое. 1919. № 14. С. 152–208; отд. изд. — Пг., 1919) и О. Д. Форш (параллельно работавшей над романом «Одежды камнем» на тот же исторический сюжет). См.: Дворец и крепость: Историческая кинодрама в десяти частях с прологом и эпилогом. Сценарий П. Е. Щеголева и О. Форш. Производство «Севзапкино». Пг., 1924. См. об этом: *Тамарченко А.* Ольга Форш: Жизнь, личность, творчество. 2-е изд., доп. Л., 1974. С. 264–269. Обязательства соавторской работы над сценарием и гонорарные условия за нее отражены в письмах Форш к Щеголеву за 1923 год (ИМЛИ. Ф. 28. Оп. 3. Ед. хр. 472).

¹⁹ Авторская датировка — по старому стилю.

²⁰ Жаколио Луи (Jacolliot; 1837–1890) — французский писатель, проведший долгие годы в Индии и французских колониях; автор приключенческих романов, путевых очерков, книг по этнографии, сравнительному изучению индийской религии и мифологии.

²¹ По окончании гимназии в Воронеже с серебряной медалью Щеголев в 1895 году поступил на санскрито-персидско-армянский разряд факультета восточных языков Петербургского университета.

²² Имеется в виду удостоенное золотой медали (см. свидетельство Совета университета, выданное 12 марта 1898 года: *Лурье Ф.* Пушкинист поневоле: Дела и дни П. Е. Щеголева. С. 21) исследование Щеголева «Очерки истории отреченной литературы: Сказание Афродитиана» (Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. 1899. Т. 4. Кн. 1. С. 148–199; Кн. 4. С. 1304–1344).

²³ Раевский Владимир Федосеевич (1795–1872) — поэт, декабрист; с 1819 года член Союза благоденствия. Первая работа Щеголева о нем — опубликованная в 1899 году статья в Энцикло-

педическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (Т. XXIV (51). С. 103–104; подпись: П. Ш.), позже был опубликован биографический очерк «Владимир Раевский и его время» (Вестник Европы. 1903. № 6. С. 509–561). См.: *Щеголев П.* Первый декабрист Владимир Раевский: Из истории общественных движений в России в первой четверти XIX века. СПб., 1905.

²⁴ Ефремов Петр Александрович (1830–1907/1908) — публикатор и комментатор сочинений русских писателей, библиограф; член-корреспондент Петербургской Академии наук (с 1900 года). Под его редакцией многократно переиздавалось собрание сочинений Пушкина (с 1880 по 1903 год).

²⁵ См. прим. 17, 18 к дневнику 1919 года.

²⁶ П. П. Щеголев.

²⁷ Смоленское православное кладбище, на котором был похоронен А. Блок, и церковь Смоленской Божией Матери (1790).

²⁸ Вдова Блока Любовь Дмитриевна Блок (урожд. Менделеева; 1881–1939); Бекетова Мария Андреевна (1862–1938) — тетка Блока и его биограф, литератор, переводчица; Иванов Евгений Павлович (1879–1942) — литератор, ближайший друг Блока (см.: Александр Блок и Евгений Иванов: В 2 кн. СПб., 2017. Кн. 1. А. А. Блок и Е. П. Иванов. Переписка (1904–1920) / Сост., предисловие, подг. текста В. Н. Быстрова; комм. В. Н. Быстрова, при участии О. Л. Фетисенко; Кн. 2. Е. П. Иванов. Воспоминания о Блоке. Статьи / Сост., вступ. статья, подг. текста и комм. О. Л. Фетисенко); Иванов-Разумник (наст. имя Разумник Васильевич Иванов; 1878–1946) — историк литературы и общественной мысли, критик, публицист, один из составителей и редакторов Собрания сочинений А. Блока в 12 томах, выпускавшегося «Издательством писателей в Ленинграде» в 1932–1936 годах (см.: Переписка <А. А. Блока> с Р. В. Ивановым-Разумником / Вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 366–414); Верховский Юрий Николаевич (1878–1956) — поэт, историк литературы, переводчик; его жена — Александра Николаевна Верховская (1876–1950).

²⁹ Дельмас — Любовь Александровна Андреева (урожд. Тишинская, по сцене Дельмас; 1879–1969), оперная артистка, исполнительница партии Кармен в одноименной опере Ж. Бизе (постановка в Театре музыкальной драмы), вдохновившая Блока на создание лирического цикла «Кармен» (март 1914 года).

³⁰ Начальные строки «Вступления» (1905) ко второй книге «Стихотворений» Блока с варьированным 1-м стихом («Ты в поля отошла без возврата»). См.: *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. С. 7.

³¹ Над переводом поэмы провансальского поэта Фредерика Мистрала (Mistral; 1830–1914) «Мирейо» («Mirèio», 1859) Ф. Сологуб работал в 1923–1924 годах для Государственного издательства (первоначально — для издательства «Всемирная литература»). Выполненный им в полном объеме перевод остался неизданным, сохранился в автографе и машинописи (см.: *Стрельникова А. Б., Филочева В. В.* Библиография художественных переводов, выполненных Ф. Сологубом. Неизданные и несобранные поэтические переводы // Федор Сологуб: Разыскания и материалы. М., 2016. С. 646, 658).

³² Собор святой великомученицы Екатерины в Царском (Детском) Селе был воздвигнут на центральной площади города в 1835–1840 годах под наблюдением архитектора К. А. Тона. В 1938 году собор был закрыт, 10 июня 1939 года взорван; восстановлен в 2006–2010 годах.

³³ Популярная песня из репертуара бродячих шарманщиков, известна во множестве версий. См.: Ах романс. Эх романс. Ох романс: Русский романс на рубеже веков / Сост. В. Мордерер, М. Петровский. СПб., 2005. С. 257–259, 356–358.

³⁴ Землетрясение, произошедшее 1 сентября 1923 года (Великое землетрясение Канто; название — по наиболее пострадавшему району), практически полностью разрушило Токио и Йокогаму, погибло несколько сотен тысяч человек.

³⁵ Детскоесельская санатория Дома ученых, располагавшегося во дворце вел. кн. Владимира Александровича в Петрограде (Дворцовая наб., д. 26).

³⁶ Поэт Валентин Кривич (наст. имя Валентин Иннокентьевич Анненский; 1880–1936), видимо, выступал с чтением стихотворений И. Ф. Анненского, собранных им в сборнике «Посмертные стихи» (Пб.: Картонный домик, 1923).

³⁷ Сюннерберг Константин Александрович (псевдоним — Конст. Эрберг; 1871–1942) — теоретик искусства, критик, поэт; один из руководителей Вольной философской ассоциации в Петрограде.

³⁸ Подразумевается: украинец (В. А. Щеголева родилась на украинской земле).

³⁹ «Белая березка. Лирическая поэма» (Весна 1920. Томск) Ю. Н. Верховского, впервые опубли.: *Верховский Ю.* Струны: Собр. соч. / Сост., подг. текста, статья и комм. В. Калмыковой. М., 2008. С. 663–670.

⁴⁰ Форш Ольга Дмитриевна (урожд. Комарова; 1873–1961). Упомянут Антон Иванович Кашкин, гимназический учитель чистописания, — персонаж ее рассказа «Герои», в котором изображены эксцессы «украинизации» при петлюровском режиме. См.: *Форш О.* Собр. соч. М.; Л., 1928. Т. 1. Пятый зверь: Рассказы. С. 95–103.

вых наших профессоров» (Сорокин Вл. Воспоминания старого студента // Русская старина. 1888. Т. 60. № 12. С. 629).

⁶³ Всеволод Вячеславович Иванов (1895–1963), один из «серапионовых братьев».

⁶⁴ Г. В. Алексеев, заведовавший в 1922–1923 годах редакцией «Книгоиздательства писателей в Берлине» и председательствовавший в берлинском литературно-художественном объединении «Веретено», принял участие в сменовеховском движении и вернулся в Советскую Россию (Москва) 7 ноября 1923 года.

⁶⁵ Г. Алексеев родился в Москве, отец его был учителем, служил бухгалтером в приюте для сирот.

⁶⁶ Будучи участником Белого движения, Алексеев в 1920 году эвакуировался из Новороссийска через Константинополь на Кипр, «скитался по Греции, Венгрии, Югославии, был матросом на английском корабле, осел на далматинском острове Шипан, откуда в 1922 году перебрался в Берлин» (Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин 1921–1923: По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris, 1983. С. 95). Более детально злоключения Алексея перечислены в биографической справке, составленной, безусловно, с его слов: «Бежав с английского парохода в Пирее, кочевал по Греции, Венгрии, славянским странам и т. д. Работал гидом по афинскому Акрополю, организатором рыбной артели, чистильщиком сапог; ездил с лекцией о Пушкине по городам Кроации, Сербии, Боснии и Герцоговины; служил матросом на итальянском пароходе и т. п. Был принят за далматинского шпиона и арестован в Фиуме, позднее в качестве „большевика“ арестован фашистами» (Писатели современной эпохи. Биобиблиографический словарь. М., 1995. Т. 2 / Подг. к изд. Н. А. Богомоловым. С. 21).

⁶⁷ Яценко Александр Семенович (1877–1934) — юрист, библиограф, профессор Юрьевского и Петербургского университетов; издавал в Берлине в 1921–1923 годах критико-библиографические журналы «Русская книга» и «Новая русская книга».

⁶⁸ Марсово поле.

⁶⁹ Кризисное положение дел с изданием журнала «Былое» и книжной серии «Библиотека журнала „Былое“», руководимым П. Е. Щеголевым, завершилось тем, что 3 февраля 1927 года Ленинградский губернский суд признал «кооперативное издательское товарищество „Былое“ несостоятельным должником и принудительную ликвидацию товарищества»; ликвидация состоялась в марте–апреле 1927 года (Емельянов Ю. Н. П. Е. Щеголев — историк русского революционного движения. С. 205–206). В рубрике «Судебная хроника» «Красной газеты» 4 февраля 1927 года сообщалось: «Издательство „Былое“ вчерашним определением губсуда признано несостоятельным должником. Издательство задолжало свыше 200 000 руб. Губсуд назначил ликвидационную комиссию. Издательство будет ликвидировано принудительным порядком» (цит. по: Лурье Ф. Пушкинист поневоле: Дела и дни П. Е. Щеголева. С. 338).

⁷⁰ Краков Павел Александрович (1871–1927) — деятель революционного движения, связанный с эсерами (см. справку о нем в кн.: Бурцев В. Л. Борьба за свободную Россию / Сост., комм., вступ. статья Т. Л. Пантелеевой. СПб., 2012. С. 417–418), журналист; заведующий конторой газеты «День»; после возобновления «Былого» в 1917 году — заведующий издательством, руководивший его финансовой деятельностью. В ходе работы уставной ликвидационной комиссии Краков в апреле 1927 года покончил с собой (бросился в Неву). См.: Лурье Ф. Пушкинист поневоле: Дела и дни П. Е. Щеголева. С. 333–338. Обстоятельства совместной работы со Щеголевым нашли отражение в 55 письмах Кракова к нему за 1920–1926 годы (ИМЛИ. Ф. 28. Оп. 3. Ед. хр. 219–221).

⁷¹ Согласно расследованию, проведенному ликвидационной комиссией, Краков растраты не совершил; основной причиной финансового краха «Былого», кроме общего издательского кризиса, признано допущенное им полное запустение в делопроизводстве. См.: Лурье Ф. Пушкинист поневоле: Дела и дни П. Е. Щеголева. С. 338.

⁷² Каганский Захарий Леонтьевич (? — после 1949) — издатель журнала «Россия» (1922–1926), переводчик; впоследствии — владелец издательства «ALDI» («Agens Littéraire et Dramatique Internationale»). Ср. сообщения в записке Щеголева «Как возникло издательство „Былое“»: «Кроме общего кризиса крайне тяжело отозвались на „Былом“ банкротства крупных покупателей, закупавших издания целыми тиражами, — издательств Л. Френкеля и В. <так!> Каганского. Издательство Каганского под фирмой Россия заключило с „Былым“ договор на монопольное распространение изданий „Былого“, причем оно установило и тиражи выпускаемых книг. Вначале это издательство выполняло свои обязательства, платило деньги, затем исправно погашало свои векселя, но с отъездом Каганского за границу весной 1925 года начались перебои в платежах, частичные погашения, переписка векселей, а в начале 1926 года платежи издательства Каганского были прекращены» (цит. по: Там же. С. 333).

⁷³ Книжный магазин «Былого» был открыт в Москве в 1925 году П. А. Краковым, приглашившим на должность управляющего П. В. Гурского. Согласно свидетельству П. Е. Щеголева, «магазин вместо прибыли принес колоссальные убытки. Ревизия, произведенная издательством,

обнаружила не только бесхозяйственность ведения дела, но и недостачу денег в кассе и растрату их» (цит. по: Там же. С. 337). Ранее, в 1921–1923 годах книжный магазин «Былого» существовал в Петрограде (пр. Володарского, бывший и ныне Литейный пр., д. 46) под наблюдением П. Е. Щеголева, П. А. Кракова и В. А. Катловкера и под руководством ответственного заведующего А. С. Молчанова (см.: *Лурье Ф. М.* Хранители прошлого. Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. Л., 1990. С. 121–122).

⁷⁴ Гроссман Леонид Петрович (1888–1965) — историк литературы, прозаик. Упомянуты его книги «Пушкин в театральных креслах» (Л., 1926) и «Поэтика Достоевского» (М., 1925).

⁷⁵ Жак — Яков Львович Израилевич (1887–1953), торговец антиквариатом.

⁷⁶ Картина из коллекции П. Е. Щеголева.

⁷⁷ Тернавцев Александр Валентинович (1897–1940) — бухгалтер; брат И. В. Щеголевой (см. о ней прим. 80).

⁷⁸ П. П. Щеголев по окончании в январе 1923 года Петроградского университета был оставлен при нем как научный сотрудник II разряда исследовательского Исторического института; после его упразднения — научный сотрудник факультета общественных наук Петроградского университета. С осени 1924 года преподавал историю стран Запада на общественно-педагогическом отделении университета, с осени 1925 года — доцент на факультете языка и материальной культуры; одновременно вел занятия по курсу новой истории в Коммунистическом университете. См.: *Молок А. И.* Научные труды и педагогическая деятельность П. П. Щеголева (1903–1936). С. 237–238.

⁷⁹ Речь идет, видимо, о дополнительном окладе, получаемом из партийно-правительственных инстанций. Зиновьев Григорий Евсеевич (наст. фам. Радомысльский; 1883–1936) — в 1907–1927 годах член ЦК ВКП(б), с декабря 1917 года председатель Петроградского совета, отстранен от руководства им в 1926 году. 23 октября 1927 года объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) принял постановление об исключении Зиновьева из ЦК ВКП(б). Наверняка нарастающая опала положила конец субсидиям и выплатам, связанным с его именем.

⁸⁰ Щеголева Ирина Валентиновна (урожд. Тернавцева; 1906–1993) — жена П. П. Щеголева (в 1926–1931 годах), дочь Валентина Александровича Тернавцева (1866–1940), религиозного публициста, до революции — чиновника особых поручений при обер-прокуроре Синода; с 1936 года — жена художника Н. И. Альтмана. См. мемуарный очерк о ней («Человек пиршественных столов») в кн.: *Романков Л.* Семь с половиной. СПб., 2012. С. 51–60.

⁸¹ В это время О. Д. Форш проживала по адресу: пр. Володарского (бывший и ныне Литейный), д. 9.

⁸² Помимо Тamarы (см. выше, прим. 6), у О. Д. Форш и ее мужа, военного инженера Бориса Эдуардовича Форша (1867–1920), были дочь Надежда Борисовна (в замужестве Вараке; 1896–1956) и сын Дмитрий Борисович Форш (1904–1967), горный инженер.

⁸³ Пунин Николай Николаевич (1888–1953) — искусствовед. Аренс Анна Евгеньевна (в замужестве Пунина; 1892–1943) — врач; жена Н. Н. Пунина. 4 ноября 1926 года А. А. Ахматова была выписана из квартиры В. К. Шилейко (Ленинград, ул. Халтурина (бывшая и ныне Миллионная), д. 5) и прописана в квартире Пунина по адресу: Фонтанка, д. 34, кв. 44 (*Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. 2-е изд., испр. и доп. М., 2008. С. 233).

⁸⁴ Е. И. Замятин прибыл в Москву 6 марта 1927 года. Последнее его письмо к жене из Москвы датировано 14 марта (см.: *Рукописные памятники.* СПб., 1997. Вып. 3. Ч. 1. Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина / Сост. Л. И. Бучина, М. Ю. Любимова; предисловие и комм. М. Ю. Любимовой. С. 313–317).

⁸⁵ Над романом «Мы» Замятин работал в 1919–1921 годах, в 1921–1924 годах он провел ряд публичных чтений отрывков из него. Публикацию романа в СССР тогда организовать не удалось. См.: *Галушкин А. Ю.* К «допечатной» истории романа Е. И. Замятина «Мы» (1921–1924) // *Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman.* С. 366–375; К истории издания романа «Мы» / Вступ. статья, публ. и комм. Р. М. Янгирова // Евгений Замятин и культура XX века: Исследования и публикации. СПб., 2002. С. 168–175; *Куртис Дж.* История издания романа «Мы», переводы и публикации // Замятин Евг. Мы: Текст и материалы творческой истории романа / Изд. подг. М. Ю. Любимова, Дж. Куртис. СПб., 2011. С. 502–505.

⁸⁶ День Парижской коммуны был объявлен в СССР официальным праздником в 1923 году; 18 марта 1871 года революционное восстание в Париже привело к свержению правительства Третьей республики, Парижская коммуна была провозглашена 28 марта (законодательный и исполнительный орган, с преобладанием двух фракций — бланкистов и прудонистов), подавлена в результате боев 21–28 мая.

⁸⁷ Статья П. Е. Щеголева «Николай П. Опыт характеристики» печаталась в «Красной газете» (вечерний выпуск) с 8 по 22 марта 1927 года; ее заключительная глава («6. Основная черта душевного склада») была опубликована там же 23–24 апреля 1927 года.

⁸⁸ Тарле Евгений Викторович (1875–1955) — историк; академик АН СССР (1927). Речь идет об открытом в начале 1927 года Ленинградском отделении Института истории РАНИОН (дирек-

тор — А. Е. Пресняков); секцию всеобщей истории в нем возглавил Тарле при ученом секретаре П. П. Щеголеве (см.: *Каганович Б. С.* Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995. С. 33).

⁸⁹ Серебряков Михаил Васильевич (1879–1959) — историк, философ, доктор исторических наук, ректор Ленинградского университета в 1927–1930 годах.

⁹⁰ Сестра И. В. Щеголевой — Мария Валентиновна Тернавцева (в замужестве Малаховская; 1904–1948).

⁹¹ Мария Адамовна Тернавцева (урожд. Арцимович; 1872–1942), жена В. А. Тернавцева.

⁹² Возможно, подразумевается Яков Борисович Лившиц (1881–1942), директор и владелец издательства «Петроград».

⁹³ Имеется в виду Петр Павлович Снопков (1900–1942), график, декоратор, театральный художник; выпускник Высшего художественно-технического института (ВХУТЕИН); художник фильма А. Файнцимера «Поручик Киж» (1934). Вместе с будущим мужем М. В. Тернавцовой Б. Малаховским иллюстрировал книжку детских стихов Н. Асеева «Песни пищика» (М.; Л., 1925). См. о нем: *Кобринский А. А.* Мастер Петр: несколько штрихов к биографическим мифам Даниила Хармса // *Русская литература.* 2020. № 3. С. 217–231.

⁹⁴ Каплан Анатолий Львович (1903–1980) — художник, мастер книжной иллюстрации; окончил ВХУТЕИН в 1927 году. См. о нем: *Суриц Б.* Анатолий Львович Каплан. Очерк творчества. Л., 1972.

⁹⁵ Жена Олега Леонидовича Лялина (1903–1974), архитектора, художника промышленной графики, представителя конструктивизма.

⁹⁶ Бороздина Елена Виссарионовна (ок. 1860–1937) — вдова профессора Петербургского университета А. К. Бороздина, учителя и друга П. Е. Щеголева; в 1920–1930-е годы жила в комнате (которую снимал для нее Щеголев) на одной лестничной площадке с квартирой Щеголевых. См.: *Лурье Ф.* Пушкинест повеvole: Дела и дни П. Е. Щеголева. С. 366.

⁹⁷ Малаховский Бронислав Брониславович (1902–1937) — художник-карикатурист, книжный иллюстратор, архитектор; окончил ВХУТЕМАС. С его иллюстрациями была издана, в частности, книга А. Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино» (Л., 1936). Расстрелян 27 августа 1937 года как «польский шпион» (см.: *Щуко Е. Г.* Воспоминания о детстве, семье, близких. С. 406, 414). См. также: Бронислав Брониславович Малаховский / Сост. И. В. Щеголева-Альтман. Л., 1978.

⁹⁸ Кондитерская «Де-Гурме» (пр. 25 Октября (бывший и ныне Невский пр.), д. 76).

⁹⁹ Подразумевается «Ленинградская правда». П. П. Щеголев печатал в этой газете статьи на международные темы под псевдонимом Л. Китаев.

¹⁰⁰ Речь идет о первой монографии П. П. Щеголева — «Заговор Бабефа» (Л., 1927). История французской Тайной повстанческой директории (1796) во главе с Гракхом Бабефом была прослежена в ней на основе комплектов газеты «Tribun du peuple», брошюр и памфлетов из собрания Государственной публичной библиотеки в Ленинграде.

¹⁰¹ Кареев Николай Иванович (1850–1931) — историк, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1910); специалист по истории Франции XVII века и истории Великой французской революции.

¹⁰² Лейкин Николай Александрович (1841–1906) — прозаик, журналист; в 1881–1905 годах редактор-издатель популярнейшего юмористического журнала «Осколки».

¹⁰³ «Петербургский листок» — издававшаяся с 1864 года газета, ориентированная главным образом на невзыскательного и малообразованного читателя.

¹⁰⁴ Молок Александр Иванович (1898–1977) — историк; с 1924 года преподавал на общественно-педагогическом отделении факультета общественных наук Ленинградского университета (вел семинар по истории Парижской коммуны 1871 года); впоследствии — доктор исторических наук, профессор.

¹⁰⁵ Розенберг Александр Михайлович (Хаимович) (1900–1955) — историк; окончил аспирантуру Ленинградского университета по специальности «новая история Запада», с 1925 года работал в Ленинградском педагогическом институте на кафедре всеобщей истории.

¹⁰⁶ Белуха Евгений Дмитриевич (Нимич; 1889–1943) — график, театральный художник; член петроградского (ленинградского) общества экслибристов. См. библиографическую справку о нем: *Голлербах Э.* Встречи и впечатления / Сост., подг. текста и комм. Евг. Голлербаха. СПб., 1998. С. 533–534.

¹⁰⁷ А. Л. Каплан (см. выше, прим. 94).

¹⁰⁸ Неустановленное лицо.

¹⁰⁹ Малаховская Екатерина Брониславовна (1926–1988) — впоследствии балерина, преподаватель хореографического училища в Москве, жена литературоведа-романиста и переводчика Н. Б. Томашевского. Позднее в семье Малаховских родился ее брат — Валерий (Дмитрий) Брониславович (1932–2010), впоследствии профессор геологии и геоморфологии Ленинградского университета.

¹¹⁰ Дом искусств — первый творческий писательский клуб, организованный в 1919 году в доме Елисеевых на углу Мойки и Невского проспекта. Является главным действующим лицом в романе О. Форш «Сумасшедший корабль» (1930).

¹¹¹ Чистяков Павел Петрович (1832–1919) — художник, педагог. О. Д. Форш училась рисовать в его мастерской в 1895 году, в годы Первой мировой войны жила вместе с детьми в царскосельском доме Чистякова (см.: *Тамарченко А.* Ольга Форш: Жизнь, личность, творчество. С. 22–25). Прочитанный доклад, видимо, лег в основу ее статьи «Художник-мудрец», вошедшей в книгу: *Форш О. Д., Яремич С. П.* Павел Петрович Чистяков. Л., 1928. См. также комментарии Т. А. Кукушкиной: Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. М., 2018. Кн. 2. С. 105–106.

¹¹² Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (1878–1939) — живописец, график, теоретик искусства, драматург, прозаик; в 1918–1932 годах профессор Академии художеств. Тесно общался с О. Д. Форш, давшей анализ его творческого метода в статье «О себе, Петрове-Водкине и Читателе» (1924). См.: *Тамарченко А.* Ольга Форш: Жизнь, личность, творчество. С. 274–291.

¹¹³ Всеволод Павлович Чистяков (1879–1929).

¹¹⁴ Вторник — 22 или 29 марта. О. Форш пробыла за границей с апреля до начала третьей декады 1927 года — сначала в Париже (до второй половины июля), затем в Люшоне (до сентября), Шартре, Тулузе, Лурде, Флоренции, Риме, Неаполе, Сорренто (в конце ноября в гостях у М. Горького). См.: Там же. С. 338; Лит. наследство. 1963. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. С. 596–601. По впечатлениям от пребывания во Франции и Италии Форш написала книгу очерков и рассказов «Под куполом» (Л., 1929).

¹¹⁵ Запись относится к январю 1929 года (ср. следующую датированную запись от 3 февраля). Понедельник — скорее всего, 31 января. Бентовин Борис Ильич (1865 или 1863 или 1864–1929) — драматург, театральный критик, журналист (см. о нем биографический очерк Норы Букс в книге: Театральные миниатюры Серебряного века. М., 2020. С. 324–326); с 1904 года член правления и бессменный секретарь Союза драматических и музыкальных писателей. Видимо, отмечалось 25-летие его пребывания на этом посту. Сохранились 17 писем Бентовина к Щеголеву за 1927–1929 годы (ИМЛИ. Ф. 28. Оп. 3. Ед. хр. 65), посвященных в основном организационным делам Драматического (Ленинградского общества драматических и музыкальных писателей), в одном из них, от 2 февраля 1929 года, Бентовин писал: «...большое спасибо Вам за те слова, которые Вы сказали мне на юбилее. Теперь не сомневаюсь в Ваших добрых чувствах».

¹¹⁶ Сухогин Павел Сергеевич (1884–1935) — поэт, прозаик, драматург, переводчик. В соавторстве с А. Н. Толстым написал пьесу «Это будет» (М., 1931). В письме к Щеголеву от 5 октября 1929 года Сухогин излагал содержание первого действия начатой им пьесы «Самшитовая трость» на сюжет из биографии Лермонтова (ИМЛИ. Ф. 28. Оп. 3. Ед. хр. 440); с этим замыслом соотносится сценарий фильма «Кавказский пленник» («Гибель Лермонтова»; 1930, Севзапкино), написанный Щеголевым совместно с В. А. Мануйловым.

¹¹⁷ Валентинов Николай Владиславович (наст. фам. Вольский; 1879–1964) — журналист, публицист; социал-демократ (меньшевик до 1917 года). С 1922 года заместитель главного редактора «Торгово-промышленной газеты», в 1929–1930 годах редактировал в Париже газету «La Vie Economique des Soviets» — орган советского торгпредства, в конце 1930 года перешел на положение эмигранта.

¹¹⁸ Шапорин Юрий (Георгий) Александрович (1887–1966) — композитор, дирижер, музыкально-общественный деятель; автор незаконченной оперы «Полина Гебль» (1925; 2 сцены были поставлены в Ленинградском театре оперы и балета) по либретто А. Н. Толстого и П. Е. Щеголева.

¹¹⁹ Шапорина Александра Федоровна (урожд. Киселева; 1907–1987) — вторая жена Ю. А. Шапорина (официально их брак был зарегистрирован в 1940-е годы).

¹²⁰ Подразумевается ленинградский театр «Комедия» (до 1925 года — «Пассаж»). Елена Маврикиевна Грановская (1877–1968) была ведущей актрисой его труппы.

¹²¹ Шапорина Любовь Васильевна (урожд. Яковлева; 1879–1967) — первая жена Ю. А. Шапорина; художница, переводчица, создательница первого в советской России театра марионеток. На протяжении нескольких десятилетий вела дневник, исключительный по тематическому охвату и по откровенности толкования исторических событий и советской бытовой жизни. См.: *Шапорина Л. В.* Дневник: [В 2 т.] / Вступ. статья В. Н. Сажина; подг. текста и комм. В. Ф. Петровой и В. Н. Сажина. М., 2011.

¹²² Дети Ю. А. Шапорина от первого брака — Василий Юрьевич (Георгиевич) Шапорин (1915–1995), театральный художник, и Елена Юрьевна (Георгиевна) Шапорина (1921–1932).

¹²³ С октября 1924 года до осени 1928-го Л. В. Шапорина с сыном и дочерью жила в Париже.

¹²⁴ Единственная симфония Шапорина (с-moll; ор. 11) для оркестра, с дополнительной духовой группой, смешанным хором и фортепиано в 4-х частях (на стихи В. Маяковского) была завершена в 1932–1933 годах; исполнена впервые 11 мая 1933 года в Москве в Большом театре.

¹²⁵ Крандиевская-Толстая Наталия Васильевна (1888–1963) — поэтесса; третья жена А. Н. Толстого (в 1915–1935 годах).

¹²⁶ Блок Давид Семенович — дирижер, директор московского кинотеатра «Колосс», член Ассоциации революционной кинематографии (АРК).

¹²⁷ Первую попытку поступить в Петербургскую консерваторию Шапорин предпринял в 1908 году, одновременно с поступлением на юридический факультет Петербургского университета, который окончил в 1912 году. Александр Константинович Глазунов (1865–1936) был директором Петербургской консерватории в 1907–1917 годах.

¹²⁸ Фамилия М. Н. Волконской указана здесь ошибочно. Речь идет о некоей Марии Николаевне Толстой — «девушке, когда-то вызвавшей глубокое чувство композитора, как однажды признался сам Юрий Александрович» (*Грошева Е.* Певец России // Юрий Александрович Шапорин. Литературное наследие: статьи, письма. Статьи о творчестве Ю. А. Шапорина. Воспоминания современников / Сост., ред., вступ. статья и комм. Е. А. Грошевой. М., 1989. С. 46). Адресованный М. Н. Толстой романс для голоса с фортепиано «Я знаю, что значит безумно рыдать» (1911) на стихи К. Д. Бальмонта сохранился в рукописи в архиве автора (см.: Ю. А. Шапорин. Нотографический и библиографический справочник / Сост. Е. Садовников. М., 1966. С. 28). Впоследствии Шапорин посвятил М. Н. Толстой цикл из десяти романсов «Далекая юность» на стихи А. Блока (ор. 12, 1939).

¹²⁹ До поступления в Петербургский университет Шапорин учился с 1906 года на юридическом факультете Киевского университета. Описываемая встреча произошла во время пребывания Глазунова в Ялте в июле–августе 1911 года (см.: *Глазунов А. К.* Письма, статьи, воспоминания: Избранное. М., 1958. С. 350–351). В очерке «Из воспоминаний» (1961) Шапорин сообщает: «В 1911 году летом я приехал в Ялту. По просьбе М. Н. Толстой, с которой я там познакомился, я сочинил романс на слова К. Бальмонта «Я знаю, что значит безумно рыдать». Его исполнил известный тенор В. С. Севастьянов. И надо же было, чтоб на этом концерте присутствовал... Глазунов! На следующий день, встретив меня в городском саду, Севастьянов спросил: „Не тот ли вы Шапорин, который однажды неудачно пытался поступить в Петербургскую консерваторию? И если это вы, то Александр Константинович хотел бы с вами встретиться“. Встреча произошла на следующий день на даче у А. А. Спендиарова. Глазунов принял меня очень приветливо и весьма серьезно сказал, что мне обязательно надо учиться» (Юрий Александрович Шапорин. Литературное наследие... С. 72–73). Впоследствии Глазунов отмечал (в письме к М. О. Штейнбергу от 28 февраля 1935 года): «Конечно, Шапорин талантлив, в чем я убедился еще при первой нашей встрече с ним» (Глазунов: Исследования. Материалы. Публикации. Письма: В 2 т. Л., 1960. Т. 2. С. 88).

¹³⁰ Терещенко Михаил Иванович (1886–1956) — крупный землевладелец, владелец сахарных заводов, финансист; член IV Государственной Думы, в 1915–1917 годах председатель киевского областного Военно-Промышленного комитета и товарищ председателя Всероссийского Военно-Промышленного комитета. После Февральской революции входил во Временное правительство (со 2 марта 1917 года — министр финансов, с 5 мая — министр иностранных дел). Ср. глухое упоминание о Терещенко в очерке Шапорина «Из воспоминаний»: «...в конце первого семестра, 1 декабря 1912 года, я был зачислен без экзамена в класс профессора Н. А. Соколова. Глазунов выхлопотал мне стипендию от частного лица и немалую по тому времени» (Юрий Александрович Шапорин. Литературное наследие... С. 73).

¹³¹ Подразумевается основанное Терещенко (вместе с его сестрами Е. И. и П. И. Терещенко) в 1912 году издательство «Сирин». См.: *Голлербах Е. А., Мухаркин Д. М.* Издательство «Сирин» // Книжное дело в России в XIX — начале XX века: Сб. научных трудов. СПб., 2004. Вып. 12. С. 57–74.

¹³² Права на издание собраний сочинений Федора Сологуба и Алексея Михайловича Ремизова (1877–1957) семья Терещенко выкупила у издательства «Шиповник». В 1912 году в «Сирине» были переизданы «Сочинения» Ремизова (Т. 1–8), в 1913 году начато Собрание сочинений Сологуба (из 20 запланированных томов вышли в свет пятнадцать).

¹³³ Эти характеристики не подтверждаются практической деятельностью издательства «Сирин», печатавшего преимущественно авторов, получивших общественное признание, и не включавшего в свои издания изобразительный материал.

¹³⁴ Цикл из пяти стихотворений А. Блока (1908).

¹³⁵ Имеются в виду «Ария для кантаты Ю. Шапорина (Невеста ждет жениха)» («Я живу в отдаленном скиту...», 3 ноября 1919 года; авторская переработка стихотворения «Я живу в отдаленном скиту...», 1905) и «Хор татар для кантаты» («Идут века...», 14 ноября 1919 года); ср. запись Блока на черновом автографе: «Шапорин окончательно заказал мне для кантаты „Куликово поле“. 23.VIII.1919» (*Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 5. С. 83–84, 484 (комм. Е. В. Ивановой)). Впервые опубл.: *Блок А.* Незданное стихотворения: 1897–1919 / Ред. и прим. П. Медведева. Л., 1926. С. 142. Шапорин написал кантату только в 1938 году («На поле Куликовом». Симфония-кантата для солистов, хора и оркестра (ор. 14). Стихи А. Блока с изменениями

и дополнениями М. Л. Лозинского). См.: Блок и музыка: Хроника. Нотография. Библиография / Сост. Т. Хопрова, М. Дунаевский. Л., 1980. С. 163.

¹³⁶ Смирнов-Сокольский Николай Павлович (наст. фам. Смирнов; 1898–1962) — библиограф, историк книги, библиофил; артист эстрады, народный артист РСФСР (1958). См.: Н. П. Смирнов-Сокольский как историк книги и библиофил. Опыт библиографии / Сост. О. Г. Ласунский. Воронеж, 1967.

¹³⁷ Имеется в виду роман А. Н. Толстого, печатавшийся под заглавием «Хождение по мукам» в журнале «Новый мир» в 1927–1928 годах и выпущенный в свет отдельным изданием под заглавием «Хождение по мукам. Восемнадцатый год» (М.; Л., 1929).

¹³⁸ О том, что П. П. Щеголев консультировал Толстого в ходе работы над романом «Восемнадцатый год», свидетельствует сам автор, в ноябре 1927 года просивший В. П. Полонского, редактора «Нового мира», внести коррективы в текст, относившийся к упоминаниям Н. Д. Авксентьева (эсера, одного из лидеров «Союза возрождения России», председателя на Уфимском государственном совещании в сентябре 1918 года): «...только что мне сказал Щеголев (молодой), что Авксентьева в Самаре не было. По матерьялам, которыми я пользовался, — он был. Но я верю Щеголеву. Поэтому в главе о Самаре нужно выбросить слова Говядина: „От ЦК эсеров — знаменитый Авксентьев, историческая личность“. И заменить их словами: „Все эсеры, непримиримейшие борцы...“» — и т. д. (Переписка А. Н. Толстого: В 2 т. / Сост., подг. текстов писем и комм. А. М. Крюковой. М., 1989. Т. 2. С. 58–59).

¹³⁹ А. Н. Толстой и Н. В. Крандиевская-Толстая с детьми переехали на постоянное жительство в Детское Село летом 1928 года (Московская ул., д. 10). Колоритные подробности застолий в их детскоесельском доме с участием Щеголева передает Н. В. Крандиевская-Толстая в своих «Воспоминаниях» (Л., 1977. С. 211–218).

¹⁴⁰ Никитина Ренэ Ароновна (урожд. Розеноер; 1897–1975) — вторая жена Н. Н. Никитина.

¹⁴¹ Никитин Владимир Николаевич (1924–1945) — сын Н. Н. и З. А. Никитиных.

¹⁴² Имеется в виду пьеса А. Н. Толстого «На дыбе» (Петр Первый), написанная во второй половине 1928 года. Отрывки из нее («Сцены из трагедии „Петр I“») были напечатаны в журнале «Красная новь» (1929. № 1), полностью «На дыбе (Петр Первый). Пьеса в двенадцати картинах» опубликована в: Толстой А. Н. Собр. соч. М.; Л., 1929. Т. 14. См.: Толстой А. Н. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1949. Т. 10. С. 579–653.

¹⁴³ Прозаик и драматург Вячеслав Яковлевич Шишков (1873–1945) с 1928 года постоянно проживал в Детском Селе (Малая ул., д. 14). См.: Дневниковая запись К. В. Вяткиной о поездке в Детское Село в сентябре 1928 г. / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. В. Вострикова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018–2019 годы. СПб., 2019. С. 388–389. В собрании М. С. Лесмана сохранились две книги Шишкова с дарительными надписями В. А. Щеголевой — восьмой том Полного собрания сочинений (М.; Л., Земля и фабрика, 1926; «Многоуважаемой Валентине Андреевне Щеголевой — на добрую память пишет Вяч. Шишков. 15.12.26. Питер») и «Пятерка» (Изд-во писателей в Ленинграде, 1931; «Дорогой Валентине Андреевне Щеголевой — только что вышедшую свою книжку шлю на память, в надежде в скором времени увидеться лично. Вяч. Шишков. 10.П.31 г.»). См.: Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации. С. 233.

¹⁴⁴ Медведев Павел Николаевич (1891–1938) — критик, литературовед; член Правления Ленинградского отделения Всероссийского Союза писателей. В 1920-е годы подготовил ряд изданий произведений А. Блока, в том числе на основе архива поэта, хранившегося тогда у Л. Д. Блок. Упоминаются выпущенные в свет Издательством писателей в Ленинграде (К. А. Федин — председатель Правления, руководившего его деятельностью) книги: Дневник Александра Блока / Под ред. П. Медведева. Л., 1928. Т. 1–2; *Медведев П.* Драммы и поэмы Ал. Блока: Из истории их создания. Л., 1928.

¹⁴⁵ Устинов Георгий Феофанович (1888–1932) — журналист, прозаик, критик; его жена — Елизавета Алексеевна Устинова (1897–?).

¹⁴⁶ Радлов Николай Эрнестович (1889–1942) — художник, искусствовед, педагог; его жена — Надежда Константиновна Шведе (урожд. Плансон; 1894–1944), художница.

¹⁴⁷ Е. В. Бороздина (см. выше, прим. 96).

¹⁴⁸ Квартира в доме на углу Ждановской наб. и Малою пр. Петроградской стороны (д. 3/1), в которой с 1925 по май 1928 года проживал А. Н. Толстой с семьей и в которой после их переезда в Детское Село поселилась семья Малаховских.

¹⁴⁹ Пьеса О. Форш «Причальная мачта» (1929) была опубликована в № 10 журнала «Звезда» за 1929 год. См.: Форш О. Собр. соч. М.; Л., 1930. Т. 5. Форш сообщила о ней М. Горькому 26 апреля 1929 года: «Я написала только что пьесу, которая худ<ожественным> советом Госдрамы (б. Александринка) принята единогласно к постановке и очень одобрена. <...> Пойдет пьеса осенью для открытия сезона» (Лит. наследство. Т. 70. С. 606). «Причальная мачта» была поставлена Ленинградским государственным академическим театром драмы им. А. С. Пушкина в октябре 1929 года (режиссер Л. С. Вивьен).

¹⁵⁰ Д. Б. Форш (см. выше, прим. 82).

¹⁵¹ Е. И. Замятин был тогда заместителем председателя Правления Ленинградского отделения Союза писателей; 28 января 1929 года был вновь единогласно избран в Правление (см.: Кукушкина Т. А. Е. И. Замятин в Правлении Всероссийского Союза писателей (Ленинградское отделение) // Евгений Замятин и культура XX века: Исследования и публикации. СПб., 2002. С. 116). О. Д. Форш была избрана в состав Правления 13 октября 1929 года (см.: Кукушкина Т. А. Всероссийский Союз писателей. Ленинградское отделение (1920–1932). Очерк деятельности // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 116), уже после жесткой идеологической осенней кампании, направленной против Замятина и Б. Пильняка (см.: Галушкин А. «Дело Пильняка и Замятина». Предварительные итоги расследования // Новое о Замятине: Сб. материалов / Под ред. Л. Геллера. М., 1997. С. 89–146).

¹⁵² Иванов Разумник Васильевич (литературное имя — Иванов-Разумник; 1878–1946) — критик, публицист, историк русской литературы и общественной мысли; проживал в Детском Селе по адресу: Колпинская ул., д. 20.

¹⁵³ К. С. Петров-Водкин поселился в Детском Селе в декабре 1927 года по адресу: Лицей, кв. 6 (жилые комнаты в бывшем Царскосельском лицее).

¹⁵⁴ Жена Петрова-Водкина — Мария Федоровна Петрова-Водкина (урожд. Маргарита Йванович; 1886–1960); дочь — Елена Кузьминична Петрова-Водкина (в замужестве Дунаева; 1922–2008).

¹⁵⁵ Переживания, вызванные рождением дочери, Петров-Водкин отразил в письмах к матери за октябрь–декабрь 1922 года (*Петров-Водкин К. С. Письма. Статьи. Выступления. Документы / Сост., вступ. статья и комм. Е. Н. Селизаровой. М., 1991. С. 222–223*).

¹⁵⁶ Имеются в виду работы Петрова-Водкина «Умиление» (1921; холст, масло. 26,2 × 21,2) и «Мадонна с ребенком. Пробуждающая» (1922; дерево, масло. 17 × 13,4). См.: Кузьма Сергеевич Петров-Водкин. К 140-летию со дня рождения. СПб., 2018. С. 94.

¹⁵⁷ Сын Ахматовой и Н. С. Гумилева — Лев Николаевич Гумилев (1912–1992), впоследствии историк, географ, этнолог, доктор исторических наук (1961) и географических наук (1974); создатель учения о человечестве и этносах как биосоциальных категориях. Раннее детство провел в основном с бабушкой, А. И. Гумилевой, в усадьбе Слепнево близ Бежецка (Тверская губ.).

¹⁵⁸ Е. И. Замятин.

¹⁵⁹ Толстой Дмитрий Алексеевич (1923–2003) — младший сын А. Н. Толстого и Н. В. Крандиевской-Толстой; впоследствии композитор.

¹⁶⁰ В 1913–1914 годах П. С. Сухотин был секретарем редакции московского художественно-го журнала «София» (редактор — П. П. Мурагов), посвященного древнерусскому искусству, опубликовал в нем свою работу «Древнерусская повесть» (1914. № 2), сопроводив ее собственными переводами древнерусских текстов, ездил по церквям и монастырям России с целью сбора древнерусских рукописей.

¹⁶¹ Дионисий (ок. 1440 — после 1502/1503) — живописец, ведущий мастер московской школы XV века; основной автор фресок Ферапонтова монастыря (близ города Кириллова, ок. 1500–1503).

¹⁶² Имеется в виду Ленинградское отделение Всероссийского Союза писателей.

¹⁶³ Подразумеваются два отделения Союза писателей — ленинградское и московское.

¹⁶⁴ Согласно протоколу заседания Ленинградского отделения Правления Всероссийского Союза писателей от 27 марта 1928 года, председателем Правления был избран В. Я. Шишков, заместителями председателя — Е. И. Замятин и К. А. Федин (разыскания Т. А. Кукушкиной; см.: Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 1. С. 109).

¹⁶⁵ Книгу на обозначенную тему П. Е. Щеголев не написал.

¹⁶⁶ Начальная строка стихотворения А. Ахматовой (1921) (*Ахматова А. Anno Domini МСМXXI. Пб.: Петрополис, 1922. С. 14*).

¹⁶⁷ Подразумеваются прозаические миниатюры Замятина, составившие сборник «Большим детям сказки» (Берлин; Пб.; М.: Изд-во З. И. Гржебина, 1922); из них в 1918 году были впервые опубликованы «Иваны» и «Огненное А». См.: *Замятин Евг.* Собр. соч.: В 5 т. М., 2003. [Т. 2]. Русь. С. 9–10, 33–34.

¹⁶⁸ Композитор Владимир Михайлович Дешевов (1889–1955).

¹⁶⁹ Ю. А. Шапорин.

¹⁷⁰ Возможно, имеется в виду ранее, в 1927 году, возникший замысел, о котором Форш сообщает в воспоминаниях «Из переписки с Горьким»: «Я сделала в Сорренто попытку написать пьесу, в которой кое-что взято из рассказа Лескова „Скоморох Памфалон“. Художник Ракицкий, живший у Горького, стал делать эскизы к воображаемой постановке» (Звезда. 1945. № 2. С. 105). Пьеса планировалась для Театра В. Э. Мейерхольда. Горький относил идею пьесы по мотивам Лескова к «превосходным замыслам» Форш (см. его письмо к И. А. Груздеву от 14 октября 1930 года: *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 2018. Т. 20. С. 72), она заверяла его (30 ноября 1930 года): «...в наказание вам, что неосновательно попрекаете „Памфалоном“,

вручу-ка я вам весной рукопись в 10 картинах с балетными и цирковыми номерами <...>» (Лит. наследство. Т. 70. С. 609. В публикации упомянутое в цитате заглавие прочитано неверно: «Памфлетом»). Однако пьеса тогда осталась незавершенной, Форш закончила работу над ней и дала ей заглавие «Живая вода» лишь в 1960 году. См.: *Тамарченко А.* Ольга Форш: Жизнь, личность, творчество. С. 366, 369–373.

¹⁷¹ Мать писателя, прозаик, очеркист, драматург Александра Леонтьевна Бостром (урожд. Тургенева, по первому мужу графиня Толстая; 1854–1906), ушла от мужа, предводителя уездного дворянства Самарской губернии графа Николая Александровича Толстого (1849–1900), покинув троих малолетних детей и будучи беременной А. Н. Толстым, к своему любовнику Алексею Аполлоновичу Бострому (1852–1921), члену уездной земской управы в городе Николаевске Самарской губернии, и стала его гражданской женой. А. Н. Толстой родился в Николаевске 29 декабря 1882 года. Обстоятельства, предшествовавшие его появлению на свет, проясняются из писем А. Л. Толстой к Бострому от 3 апреля 1882 года, где она сообщает о насилии, совершенном над нею ее мужем, и от 20 апреля 1882 года: «...я почти уверена, что беременна от него. <...> Желать так страстно ребенка от тебя и получить ребенка от человека, которого я ненавижу <...>» (цит. по: *Петелин В. В.* Жизнь Алексея Толстого: Красный граф. М., 2002. С. 48).

¹⁷² Старшие братья А. Н. Толстого — Александр Николаевич и Мстислав Николаевич Толстые. Со слов М. Н. Толстой Р. Б. Гуль свидетельствует: «Оба они не считали Алексея — ни графом, ни Толстым» (*Гуль Р.* Я унес Россию. Апология эмиграции: В 3 т. М., 2001. Т. 1. Россия в Германии. С. 299). С. И. Дымшиц-Толстая в своих воспоминаниях отмечает, что Н. А. Толстой старших сыновей «оставил у себя, воспитав их в жестокой вражде к матери и младшему брату» (Воспоминания об А. Н. Толстом: Сб. / Сост. З. А. Никитина, Л. И. Толстая. М., 1973. С. 70–71). А. Н. Толстой получил официальные документы о причислении его к роду Толстых только в 1901 году — после смерти отца.

¹⁷³ Решение самарского епархиального начальства о расторжении брака Н. А. Толстого и А. Л. Толстой было вынесено 19 сентября 1883 года.

¹⁷⁴ Подразумеваются финансовые и делопроизводственные затруднения в кооперативном товариществе «Былое», начавшиеся с 1925 года и приведшие в 1927 году к гибели издательского предприятия. См.: *Лурье Ф. М.* Хранители прошлого. Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. С. 122–125.

¹⁷⁵ Художник книги, график, живописец Вениамин Павлович Белкин (1884–1951) и его жена Вера Александровна Белкина (урожд. Попова; 1891–1960) — пианистка, музыкальный педагог. Белкин был близким другом А. Н. Толстого с конца 1900-х годов; по возвращении из-за границы в Петроград Толстые поселились в том же доме, где проживали Белкины (Ждановская наб., д. 3/1), квартира Толстых находилась над квартирой Белкиных. Подробнее см.: *Молок Ю.* Камея на обложке (К истории одной мистификации) // *Опыты* (Пб.; Париж). 1994. № 1. С. 121–134; Письмо художника В. П. Белкина к Л. В. Шапориной // Публ. А. Г. Носовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009–2010 годы. СПб., 2011. С. 776–789.

¹⁷⁶ Ника — Никита Алексеевич Толстой (1917–1994), сын А. Н. Толстого и Н. В. Крандиевской-Толстой; впоследствии физик, общественный и политический деятель.

¹⁷⁷ Речь идет о статье «„Монах“ — неизданная поэма Пушкина» (Огонек. 1929. № 7 (307). С. <8–10>).

¹⁷⁸ Сергеева Зинаида Александровна (1900–1959) — секретарь П. Е. Щеголева в 1923–1931 годах.

¹⁷⁹ Л. В. Шапорина расписывала модные шелковые ткани (вместе с Н. П. Гойер), в 1929–1932 годах раскрашивала ткани для театральных костюмов (*Сажин В. Н.* Институтка: автопортрет в советском интерьере // Шапорина Л. В. *Дневник*. Т. 1. С. 15).

¹⁸⁰ Организованный Шапориной в 1919 году первый петроградский Театр марионеток функционировал в 1923–1924 годах как часть Театра юных зрителей, руководимого А. А. Брянцевым. В 1930 году Театр марионеток объединился с Театром Петрушки, созданным в 1924 году Е. С. Деммени, и стал называться Ленинградским театром кукол под руководством Е. С. Деммени (*Носова А. Г.* Л. В. Шапорина и ее фонд в Рукописном отделе // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 год. СПб., 2003. С. 108–109).

¹⁸¹ Шапорина перевела на русский язык пьесу итальянского прозаика и драматурга Луиджи Пиранделло (Pirandello; 1867–1936) «Каждый по-своему» («Ciascuno a suo modo», 1924). Перевод был выполнен ею в 1926 году, остался неизданным.

¹⁸² Орловский Александр Осипович (1777–1832) — живописец-баталист и жанрист, литограф собственных работ.

¹⁸³ Отец Шапориной — Василий Васильевич Яковлев (1839–1912), из дворянской семьи, служил по Министерству юстиции, мировой судья; статский советник. Подробнее о нем см.: *Носова А. Г.* Л. В. Шапорина и ее фонд в Рукописном отделе. С. 97–99.

¹⁸⁴ Кругликова Елизавета Сергеевна (1865–1941) — художник-график, мастер офорта, монотипии и силуэта; в 1922–1929 годах — профессор полиграфического факультета ленинград-

ской Академии художеств. В Театре марионеток в 1920 году Кругликова выступала как художник в постановках «Сказки о Емеле-дураке, или По щучьему веленью» Е. Я. Данько и «Вия» по Н. В. Гоголю (см.: Там же. С. 108). В 1906–1908 годах Шапорина занималась офортом в парижской мастерской Кругликовой (см.: Шапорина Л. В. В Париже у Кругликовой // Елизавета Сергеевна Кругликова. Жизнь и творчество: Сб. / Сост. П. Е. Корнилов. Л., 1969. С. 68–70).

¹⁸⁵ Шапорин в 1928–1934 годах был заведующим музыкальной частью и дирижером Ленинградского театра драмы (бывшего Александринского).

¹⁸⁶ Возможно, В. А. Белкина.

¹⁸⁷ Богданов-Березовский Валериан Михайлович (1903–1971) — композитор, музыковед, музыкально-общественный деятель, педагог. Среди его работ — книга «Ю. А. Шапорин и его симфония» (Л.; М., 1934).

¹⁸⁸ Трамвайный маршрут.

¹⁸⁹ Н. К. Шведе-Радлова.

¹⁹⁰ Федина Дора Сергеевна (урожд. Александер; 1895–1953) — жена К. А. Фебина с 1922 года, ранее — машинистка в Издательстве З. И. Гржебина.

¹⁹¹ Организационное собрание литературной группы «Серрапионовы братья» состоялось не десятью, а восемью годами ранее — 1 февраля 1921 года (см.: Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. М., 2005. Т. 1. Ч. 2. Москва и Петроград. 1921–1922 гг. / Отв. ред. А. Ю. Галушкин. С. 20–21). К. А. Фебин описал происшедшее в дневнике (3 февраля 1929 года): «Первого — годовщина серрапионов. Как ни традиционен этот день, было внезапно весело и молодо. Обычные гости — формалисты и даже Шкловский в числе них — не мешали и, кажется, веселились вместе с нами. Правда, ни слова о серьезных вопросах, ни одного повода к столкновению. <...> Была „стенная газета“, злая и остроумная (Зощенко, Тихонов, Каверин), было „кино“, поставленное Шварцем, с участием многих из серрапионов и Форш. Шварц был в ударе, и „кино“ прошло блестяще, как во времена Лунца, в Доме искусств» (Федин К. Собр. соч.: В 12 т. М., 1986. Т. 12. С. 35).

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-191-201

© Т. М. Двинытина

«ЧТО ЕСТЬ ПОЭЗИЯ?» ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ «И. А. БУНИН И Е. А. БАРАТЫНСКИЙ»*

Утверждение в произведениях И. А. Бунина неиерархического образа мира, основанного на вибрации и связи всего со всем,¹ делает резонанс структурным принципом его художественной системы: лирическое «я» осознает себя в созвучии с природным космосом и вечностью, несет в себе отпечатки родовой истории и древности, обращено к «общей душе» человечества и наиболее остро и полно ощущает себя в любовной встрече, нерасторжимо сочетающей в себе полноту и счастья, и трагизма бытия. Главным событием в бунинском мире — если говорить о событии, рождающем творчество, — оказывается в любом случае миг отзыва, узнавания, внезапного эха, нахлынувшего воспоминания некогда бывшего и ныне ожившего чувства. Этот миг подобен уколу озарения и не имеет длительности, но остается долгим эхом в сознании автора и в художественной ткани его произведений. Таким образом, созвучие, основной принцип классической поэзии, становится ведущим принципом мира Бунина и определяет его самосознание поэта независимо от того, в стихах или в прозе он себя выражает.²

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 17-18-01410-П «Академический Бунин. Источниковедение, текстология, методология»).

¹ См.: Сливницкая О. В. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. М., 2004. С. 60–61 и др.

² Многочисленные свидетельства того, что Бунин и в последние десятилетия жизни, уже почти полностью перейдя на прозу, продолжал считать себя именно поэтом, оставили А. В. Бахрах, И. В. Одоевцева, З. А. Шаховская, Т. Д. Муравьева-Логонова, С. Ю. Прегель, Б. Нарциссов и др.